

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

18+

Евгений Корчуганов

Без права на ошибку

<https://litres.ru/74248454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семён Воронков — бывший следователь, который выжил после пули в голову, но потерял память. Теперь его обвиняют в серии убийств, которых он не совершал, а единственный свидетель — его собственная амнезия.

Когда в его квартире находят мёртвого человека, а любимая девушка исчезает, Воронков оказывается втянут в игру с криминальным боссом, его безжалостным киллером и продажными полицейскими. Ему предстоит пройти через пытки, предательство и крысиные тоннели, чтобы спасти тех, кто ему дорог.

Но самый страшный удар ждёт его впереди: убийца, которого все считают мёртвым, уже сидит за одним столом с его семьёй.

Содержание

Глава 1. Допрос	4
Глава 2. Нет прав доступа!	16
Глава 3. Под грифом «секретно»	26
Глава 4. Издержки профессии	36
Глава 5. Орёл или решка	51
Глава 6. Позитив и негатив	69
Глава 7. На дне	76
Глава 8. Предложение, от которого нельзя отказаться	84
Глава 9. Ежевичка	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Евгений Корчуганов

Без права на ошибку

Глава 1. Допрос

— Семен Аркадьевич, взгляните. Вы узнаете кого-нибудь из этих парней? — спросил следователь управления собственной безопасности майор Федотов, раскладывая перед ним фотографии.

Воронков опустил глаза на снимки. На них были изображены мужчины, преимущественно, средних лет, чем-то похожие друг на друга. В них имелось неуловимое сходство, но даже самый внимательный человек не смог бы сказать, чем оно выражено. Точно не внешностью. Тут были и блондины, и брюнеты. С квадратными лицами и круглыми. С прямыми носами и, по-боксерски, свернутыми на бок. И всё же Воронков знал, что их объединяет. Все они были убийцами. Кроме одного.

— Все эти люди — фигуранты уголовных дел, которые я вёл. Один из них — невиновен, — Воронков ткнул пальцем в Игната Кудрявцева, — остальные — преступники, которым повезло избежать наказания.

Федотов посмотрел на своего напарника капитана Ромо-

ва — невысокого кудрявого мужчину с широким лбом и живыми умными глазами. Тот заговорщицки улыбался, словно расставил ловушку, в которую Воронков попался.

— Что ж, — произнёс Федотов, — всё верно. Эти люди когда-то являлись фигурантами ваших расследований. А вы помните их поименно?

Воронков покачал головой.

— Из-за амнезии я забыл многое, в том числе и этих ребят.

— На их лица ваша память каким-то образом в себе сохранила?

— Нет. Я узнал о них недавно. Когда мы с моим товарищем полковником Выюгиным обнаружили пятна крови в подвале.

— Как вы там оказались?

— Мы вели совместное расследование...

И Воронков подробно изложил всю последовательность событий, которая привела его в подвал один раз, а затем — и другой, чуть было не закончившийся для него гибелью¹.

По лицам сотрудников УСБ² было видно, что они не верят ни одному его слову.

«Ты думаешь, мы купимся на эту галиматью?» — читалось в их глазах.

Но Воронков не собирался их обманывать. Всё было в точ-

¹ Об этой истории читай подробнее в романе «Эхо прошлого».

² Управление собственной безопасностью

ности так, как он рассказал. И эту информацию можно было легко проверить.

— Как так вышло, — спросил Федотов, — что вы проводили совместное расследование с полковником полиции, будучи частным сыщиком? Причём не особо востребованным, судя по вашей налоговой декларации.

Воронков чувствовал, что они проверили не только его налоговую декларацию. Когда тобой начинали интересоваться сотрудники УБН, ты мог быть уверен: всё твоё грязное бельё будет вытряхнуто и изучено со всей скрупулёзностью, на которую способны эти люди.

— Так вышло, — произнёс он, хотя прекрасно понимал, что Федотову и его помощнику эта информация известно, — что я дал старт расследованию. К тому же, имея в этом деле личный мотив, я не мог остаться в стороне.

— Вы об этой истории с «Потрошителем»? — спросил Федотов, роясь в бумагах.

— Да, о ней.

— Вы помнили этого человека?

— О, да. Его я помнил, — ответил Воронков, криво усмехнувшись.

Ещё бы ему не помнить того, кто, как он думал, прострелил его голову, навсегда испоганив жизнь.

— Вы не находите странным, — произнёс Федотов с лукавой улыбкой, в которой читалось: «Наконец-то я тебя поймал!», — что «Потрошителя» вы помните, а всех остальных

— нет.

— Нет, не вижу. Я потерял память не полностью — частично. Я даже своих знакомых долгое время узнавал через одного.

— Печально, — сказал Федотов. — Тогда напомним. Всех этих мерзавцев объединяет одно. Они исчезли вскоре после того, как их оправдал суд.

— Они не исчезли. Их убили.

— Кто же это, по-вашему, сделал? — спросил Федотов.

— Известно кто. Борис Кудрявцев.

Сыщики переглянулись.

— Легко теперь всё валить на Кудрявцева, — сказал Федотов, — когда он мёртв и ответить не может.

— У вас есть другие подозреваемые?

Федотов кивнул. Его тяжёлый взгляд уперся в Воронкова. Тот неожиданно ощутил себя не в своей тарелке. Этот взгляд, и также то, что его притащили на допрос, не предвещало ничего хорошего.

— Хотите сказать, — внезапно охрипшим голосом произнёс он, — что подозреваете меня?

— Да, — ответил Федотов, — мы подозреваем вас.

Воронков почувствовал, как кровь отхлынула от лица, а сердце — провалилось куда-то в район пяток. Секунду или две он не мог выдавить ни звука, но затем взял себя в руки и даже изобразил на лице улыбку.

— Вы серьёзно?

— Более чем.

— И у вас есть доказательства?

Федотов принялся копаться в своих бумагах. Инициативу взял на себя его напарник. Воронков с самого начала почувствовал, что пришёлся не по душе кудрявому капитану. Ромов вёл себя корректно, однако в каждом его взгляде, в каждом жесте сквозила неприязнь.

— Когда мы начали расследование, то попытались понять, что связывает между собой всех покойных – ну, помимо того, что их ДНК обнаружили в этом подвале. И знаете, что мы выяснили? Их не связывает ничего. Они не были знакомы друг с другом. Жили в разных районах, вращались в разных кругах. Все они были отпетыми мерзавцами, но этого недостаточно. Единственного общего у них было то, что их делами занимался один и тот же следователь. Вы.

Воронков внутренне вздрогнул, однако сумел сохранить на лице невозмутимое выражение.

— Разве это что-то доказывает?

— Затем мы попытались установить мотив убийства, — продолжал Ромов, словно не слыша его. — Я лично беседовал с экспертом Хрумовым. Он заявил, что, по его мнению, Игнат Кудрявцев был убит способом, схожим с тем, как Декстер казнил своих жертв. Прямым вертикальным ударом, направленным сверху вниз. Примерно вот так.

Он встал взял со стола воображаемый нож, обхватил его двумя руками, занёс над головой и пронзил им воздух. Во-

ронков побледнел еще сильнее. Ему вспомнились безумные глаза Григория Сукова, когда он замахнулся на него ножом.

— Вижу вы побелели, — не преминул отметить Ромов. — Что-то вспомнили.

— Прошлой ночью меня пытались убить, — глухо проговорил Воронков. — Ножом. Преступник действовал точно так, как вы мне тут показали. Такой же замах.

— Я читал ваши показания. — Ромов выхватил из стопки протокол и помахал им перед его носом. — Вы в самом деле утверждаете что-то подобное. Но беда в том, что это только ваши слова. Полковник Вьюгин сказал, что преступник держал нож только в одной руке.

— Он не видел, — проговорил Воронков. — Там было темно.

— Тем не менее, он застрелил Сукова точнехонько между глаз. Маловероятно, что такой выстрел можно произвести в темноте.

Воронков не стал спорить. Аргументы Ромова звучали вполне убедительно.

А тот продолжал развивать свою мысль:

— Если предположить, что Хрумов прав – в чём лично я не сомневаюсь – то сама собой возникает мысль, что преступников не просто убивали. Их казнили. В наказания за их преступления. — Он не сводил глаз с Воронкова. — Сперва казнили Андрея Коновалова, убившего свою жену. Затем – Федора Бронеславова, изнасиловавшего падчерицу. И даль-

ше по списку. Последним был Игнат Кудрявцев. Его зарезали, расчленили и закопали на кладбище. После этого убийства прекратились. Сразу после того, как вы получили пулю в голову. Странное совпадение, не правда ли?

Воронков нервно пожал плечами. Внутри у него всё трепетало от предчувствия беды. Он несколько раз оказывался перед следователями УБС, но никогда против него не выдвигали столь серьёзные обвинения.

Десять жертв. И он совершенно не помнит никого из них. А Суков утверждал, что Игната Кудрявцева убил он. Так неужели и остальных...

Нет, это не правда. Суков лгал, чтобы причинить ему боль.

Воронков несколько раз повторил про себя эту мысль, чтобы она засела поглубже. Однако на подкорке сознания остался вопрос: «Зачем?» Зачем Сукову лгать человеку, которого он собирался убить?

Ответ на этот вопрос Суков унёс в могилу.

— Идём дальше, — не успокаивался Ромов. — Проходит семь лет и — о, чудо — именно вы находите на кладбище останки Игната Кудрявцева. Какое совпадение! Из десяти миллионов могил вы раскапываете именно ту, где закопана одна из жертв!

— Это действительно совпадение, — хриплым голосом произнес Воронков. — Я расследовал дело о подмене младенцев...

— Знаем мы, что вы расследовали. — Ромов быстрым движением извлёк из кипы бумаг очередной протокол. — Мы побеседовали с вашей клиенткой, Алёной Дубравской. Она рассказала, как вы умоляли её не проводить эксгумацию.

— Да, потому что это варварство!

— Или вы просто знали, что найдут под гробом, — повысил голос Ромов. — Потому и сопротивлялись.

— Если бы я знал, — возразил Воронков, — то сделал бы вид, что не смог найти её настоящего сына и тогда мы бы вообще здесь не разговаривали.

— Похоже, вы совершили ошибку, — усмехнулся Ромов. — У вас ведь амнезия. Откуда вам было знать, что именно в этой могиле вы, семь лет назад, похоронили Игната Кудрявцева?

— А я и не говорил, что знал. Этого вы утверждаете, что моя находка не была случайной, — парировал Воронков, к которому постепенно возвращалось хладнокровие.

— Ладно, пока опустим этот вопрос, — сказал Ромов, вытащил платок и утер пот со лба.

В бой ринулся Федотов.

— У нас есть ещё одно странное совпадение. Как-то так получилось, что именно вы обнаружили подвал, где, судя по следам ДНК, были убиты эти люди.

— Я уже объяснил, что подвал мы обнаружили в процессе расследования...

— Да, мы это слышали, — нетерпеливо прервал его Федотов. — Но вы оказались там первым. Мы допросили человека, который показал вам это место, Сергея Воробьёва. Он сказал, что вы зашли в подвал, а затем — упали в обморок. Что произошло? Вспомнили свои подвиги?

Воронков почувствовал, что пол уходит из-под ног. Ему сразу вспомнились жуткие видения, посетившие его в тот момент, когда он подошёл к столу патологоанатома. Позже он объяснял это дурной энергетикой — как ни крути, на этом столе истекали кровью люди. Однако теперь всё приобрело другой смысл — куда более страшный.

Подняв глаза, он увидел, что Федотов и Ромов смотрят на него в упор. В их взглядах читалось торжество: «Ну, вот мы и вывели тебя на чистую воду! Попробуй теперь отвертеться!»

Воронков понял, что ему пора взять себя в руки. Если он и дальше продолжит в таком духе, то рискует очутиться в СИЗО.

— Я упал в обморок потому, что там было душно, — сказал он. — Только и всего. Будь моя цель уничтожить улики, я бы давно это сделал. Что до ваших намёков, то я не особо понимаю, куда вы клоните. Хотите обвинить меня в убийстве всех этих подонков? Тогда представьте доказательства. Пока я не услышал ничего, кроме домыслов.

Следователи, уже приготовившиеся праздновать победу, опешили, получив такой отпор. Какое-то время они шушукались между собой, а затем Ромов сказал:

— Вы правы, улики у нас нет. Но косвенных доказательств вполне достаточно, чтобы считать вас главным подозреваемым по этому делу.

— Вы готовы предъявить мне обвинение? — выпалил Воронков, чувствуя, как напряглись нервы.

Он шёл ва-банк, чувствуя, что у противника нет козырей. Тактика рискованная, однако в данной ситуации — оправданная.

— В данный момент расследование продолжается, — уклончиво ответил Федотов. — Мы хотели поговорить с вами, чтобы уточнить пару моментов. Теперь нас многое стало яснее. Благодарим за визит.

— Меня притащили сюда силой, — сказал Воронков.

С его плеч словно гора свалилась. Он чувствовал такую лёгкость, словно с него сняли все обвинения. Инстинкт подсказывал, что главная битва ещё впереди. Однако из этой схватки он вышел победителем.

— Вот что, коллеги, — произнёс он назидательным тоном. — Всё, что вы сказали — полная чушь. Думали построить обвинения на том, что у меня был «зуб» на этих парней? Ничего глупее я в жизни не слышал. Я не убивал никого из этих мерзавцев. Если приговор суда был «липовый», я бы продолжил расследование и добился того, чтобы преступник оказался за решёткой. Но убивать я бы не стал. Не мой метод.

— Думаете, мы поверим вам на слово? — усмехнулся Ромов.

— Как хотите. Но впредь, когда решитесь сунуться ко мне со своими обвинениями, потрудитесь для начала собрать доказательную базу. Сейчас вы похожи на студентов, которые пришли на экзамен, чтобы попытаться уговорить преподавателя поставить им пятерки за красивые глаза. Со мной этот номер не пройдет. Можете сколько угодно напускать на себя грозный вид. Я встречал парней и пострашнее. Прошлой ночью я был на волосок от смерти. И сейчас мне бы хотелось отдохнуть вместо того, чтобы сидеть здесь и слушать всю эту чушь.

Сказав это, Воронков откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Федотов бросил взгляд на своего напарника, и тот положил перед Воронковым две бумаги.

— Здесь – подписка о невыезде. Ждите повестку. Мы продолжим.

— Надеетесь, что на вас снизойдет озарение?— усмехнулся Воронков, ставя свою подпись под документами.

Федотов пронзил его ледяным взглядом.

— Как знать, — сухо произнёс он, — вдруг мертвые заговoryт.

Воронков в ответ усмехнулся и, забрав пропуск, вышел из комнаты.

Оказавшись на улице, он глубоко вдохнул сырой осенний воздух. Его била дрожь – но не от холода. Он поглубже засунул руки в карманы и спрятал лицо в воротник. Он знал, что Федотов и Ромов наблюдают за ним в окно, и не хотел,

чтобы они заметили его состояние.

Небо было затянуто низкими тучами. Мимо с грохотом пронёсся грузовик. Воронков вдруг подумал, что можно было бы легко со всем покончить, прыгнув под колёса. Впрочем, он сразу прогнал от себя эту мысль. Закурив сигарету, он затаился и почувствовал, как закружилась голова.

«Мертвые заговoryт».

Что имел в виду Федотов? Кто из покойников мог заговорить?

Смысл гадать. Чёрт с ним! Пусть попробует найти доказательства. Пока у этих двоих нет ничего, кроме подозрений – весьма слабо обоснованных.

Он стряхнул пепел и легко сбежал по крыльцу навстречу осенним сумеркам.

Глава 2. Нет прав доступа!

Сидя за барной стойкой, Воронков смотрел в бокал, на дне которого осталось на пол пальца виски.

На улице лил дождь и завывал ветер, а в баре было тепло и уютно. Бармен лениво протирал стаканы. Кроме Воронкова, в зале осталось всего два человека. Это были крепкие бритоголовые парни, затянутые в кожу. Изрядно пьяные, они косились на Воронкова весьма недружелюбно. Больше всего их задевало то, что он не обращал на них никакого внимания. Как правило, те, на кого они так косились, спешили поскорее убраться прочь. Но Воронков сидел неподвижно. Его крупная голова с густой гривой темно-каштановых волос была склонена, словно он молился.

— Не нравится он мне! — сказал тот из бритоголовых, что был пьянее. — Может, вышвырнем его отсюда?

Его товарищ смерил Воронкова взглядом.

— Больно здоровый. Лучше давай еще выпьем. Эй, бармен, тащи еще водки!

Бармен тут же отложил полотенце, схватил бутылку и поспешил на зов.

А Воронков, не подозревавший, что чудом избежал драки, продолжал сидеть, таращась в одну точку. Перед его глазами стояли лица девяти мужчин.

Когда-то он их знал. Когда-то он мечтал их посадить.

Мог ли он, потерпев неудачу, пойти на убийство?

Ему сразу вспомнилось, что сказал Суков: «Это был ты, Воронков. Вернее, я думаю, что это был ты. Уж извини, но ничего другого мне в голову не приходит».

Воронков влил в себя остатки виски. Но легче от этого не стало. Его мучала мысль о том, что это может оказаться правдой

С улицы донесся шум двигателя. Кто-то подъехал.

— Эй, бармен, — крикнул Воронков. — Повтори.

Хлопнула дверь. В бар, с зонтом в руке, вошёл Вьюгин — старинный приятель Воронкова. Когда-то они служили вместе — до того дня, когда Суков выпустил ему в голову пулю. Теперь Вьюгин возглавлял целый отдел в Главке, а Воронков — прозябал на ниве частного сыска.

Вьюгин, как обычно, был одет «с иголочки». На нём был новенький тёмно-синий костюм и ослепительно-белая рубашка. Галстук сидел, как нарисованный. Свернув зонт, Вьюгин огляделся по сторонам, заметил Воронкова и поспешил к нему.

— Умеешь же ты выбрать место для встречи, — сказал он, окидывая бар пренебрежительным взглядом.

— Принесите мне какой-нибудь коктейль, только безалкогольный, — велел Вьюгин бармену, который вышел из-за стойки, чтобы принять заказ. — Я за рулём.

Бармен, презрительно фыркнув, удалился.

— Ты мог заказать ему любой коктейль, — сказал Воронков, кивнув в сторону бармена, — он бы всё равно, в целях экономии, сделал его безалкогольным.

— Что у тебя за срочное дело? — спросил Вьюгин. — Я мчался со всех ног.

Вместо ответа, Воронков выложил на стол записку на клочке бумаги. Вьюгин развернул её и прочитал. Его брови сошлись на переносице.

— «Прощай. Не ищи меня. Твоя М». Это она написала?

Воронков, горестно хмыкнув, влил в себя остатки спиртного. И понял, что хватит. Голова пошла кругом, но горестные мысли не исчезли. В замутненном сознании они стали ещё более чёткими, словно выжженные на стекле.

— Странно, — сказал Вьюгин. — Мне казалось, вы с ней...

— Мне тоже так казалось, — хрипло произнёс Воронков.

— Ты уверен, что это её почерк?

— А чей же ещё?

— Не знаю. Она не похожа на девушку, способную так поступить. Из квартиры ничего не пропало?

Воронков покачал головой. Даже если бы к нему вломись воры, то ушли бы они с пустыми руками. Самой большой ценностью было кресло со стертой спинкой и торчащей из сиденья пружиной, больно жалящей в зад всякого, кто в него садился. А все наличные деньги он потратил на номер в отеле «Империял», из которого они следили за Суковым и

Борисом Кудрявцевым.

— У тебя есть мысли: почему она сбежала? — допытывался Вьюгин.

— Нет.

— Ты не думаешь, что её похитили?

— Похитили? — Такая мысль Воронкова не посетила. Он мысленно перенёсся в свою аккуратно убранную квартиру и покачал головой. — Нет. Она бы сопротивлялась. В квартире не было следов борьбы.

Бармен поставил перед Вьюгиным безалкогольный коктейль. Вид у него при этом был как у человека, своими руками роющего себе могилу.

— Может, повторить? — с надеждой спросил он, заметив, что стакан Воронкова опустел.

— С меня хватит, — ответил тот.

Бармен кивнул и удалился с видом оскорблённой добродетели.

— Тебе о ней что-нибудь известно? — Вьюгин пригубил коктейль и поморщился. — Фу, сладкий!

Воронков припомнил всё, что рассказала ему Маша в день знакомства.

— Она из Воркуты. Её родители погибли в автокатастрофе. Она воспитывалась бабушкой, которая недавно умерла. После этого она подалась в Москву. Жила какое-то время с другими провинциалками, а затем — познакомилась с парнем и переехала к нему на квартиру. Но он оказался тем ещё

скотом, и она удрала от него ко мне. Вот, собственное, и всё.

— Не густо, — вздохнул Вьюгин. — Но раз она сбежала от прошлого парня, то, в теории, могла сбежать и от тебя.

— Я её не запираю в квартире и не грозился убить!

— Ну, это как сказать, — хмыкнул Вьюгин. — Из-за тебя её чуть не убили, после чего ты запер её на какое-то время в квартире.

— С тех пор много воды утекло.

Вьюгин задумчиво посмотрел на него. Он видел, что товарищ очень расстроен. Неужели всё дело в бегстве девушки, которую он едва знал?

— Ладно, попробую тебе помочь. — Он достал из кармана маленькую записную книжку в кожаном переплёте и карандаш. — Как её фамилия?

— Не помню, — признался Воронков.

— Ты впустил в квартиру девушку, о которой не знал ничего, кроме имени и того, что она из Воркуты? — поразился Вьюгин. — Ты хоть документы её проверил?

— Проверил. Но фамилию не запомнил.

— Ладно. У тебя сохранились её фотографии?

— Нет, откуда?

— Что, ни одного совместного снимка нет?

Воронков покачал головой. Он понимал, что, в глазах бывшего напарника, выглядит глупо, но ничего не мог с этим поделать. Его единственным желанием было найти Машу и убедиться, что если его мир рухнул, то не полностью.

— Ладно, — вздохнул Выюгин, — поехали.

— Куда?

— На Петровку. Будем составлять фоторобот.

Для такого профессионала, как Воронков, составить фоторобот было делом пары минут. Он точно описал все отличительные черты внешности девушки, добавил пару штрихов — и дело в шляпе. Когда криминалист предложил оценить результат, сердце бешено забилося в груди Воронкова. С плоского экрана на него смотрела Маша.

— Один в один, — сказал Выюгин, толкнув его локтем в бок. — Скажи?

— Да, — подтвердил Воронков, сглотнув ком в горле. — Это она.

— Ну, что, попробуем «пробить» её по базе? — спросил криминалист.

— Действуй, — одобрил Выюгин.

Воронков хотел запротестовать: Маша — не преступница, однако промолчал. И хотя все происходящее казалось ему предательством, он с тревогой на сердце наблюдал за тем, как компьютер сличает предложенный фоторобот с фотографиями, ранее загруженными в программу.

— Делаем ставки, господа, — бодро предложил Выюгин. — Кем она, по итогу, окажется: мошенницей или аферисткой?

— Никем, — сердито ответил Воронков. — В базе ее нет.

Однако компьютер издал мелодичный звон, возвещав-

ший о том, что поиск окончен. Воронков закрыл глаза. Он ждал, что криминалист разочарованно вздохнет и скажет, что совпадений не обнаружено, однако, вместо этого, раздался изумленный возглас.

— Ничего себе!

— Что там? — разволновался Вьюгин.

Воронков открыл глаза. Когда он взглянул на монитор, его брови взлетели, а челюсть — упала.

Посреди экрана, белом фоне, горела желтая плашка, возвещающая о том, что у них нет прав доступа.

— Что это значит? — спросил Воронков.

— Что досье этой девушки засекречено, — ответил криминалист. — Странно. Сколько работаю, такое вижу впервые.

— Кому могло понадобиться скрывать ее данные? — не успокаивался Воронков.

Криминалист пожал плечами.

— Зачастую под gifом «секретно» прячут личные данные сотрудников спецслужб...

Воронков вспомнил вдруг, как Маша лихо взламывала смартфоны сотрудников фирмы.

— ...либо, — продолжал криминалист, — осведомителей, а также людей, которые проходят по программе защиты свидетелей. Правда, последнее происходит редко. Чаще всего данные просто удаляют из системы.

— Получается, что, с высокой долей вероятности, твоя

красотка — Джеймс Бонд в юбке, — сказал Вьюгин, толкнув Воронкова локтем в бок.

— Похоже на то, — хрипло произнес Воронков.

Эта информация застала его врасплох. Он вспомнил допрос. Неужели между бегством Маши и последующим визитом сотрудников УСБ есть связь? Воронкову не хотелось в это верить, однако он понимал, что дыма без огня не бывает.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спросил Вьюгин, когда они, поблагодарив криминалиста за помощь, вышли во внутренний дворик, предназначенный для курения.

Воронков пожал плечами. В голове у него было несколько версий, но он не готов был ими делиться.

— У тебя не возникла мысль, что девица — засланный казачок?

Именно такая мысль посетила Воронкова, только он не хотел в этом признаваться. Поэтому он ответил:

— Не думаю. Кому я мог понадобиться?

— Не хочу тебя расстраивать, но эта история скверно пахнет.

— Хуже, чем твои сигареты?

— Намного хуже. Подумай об этом.

Воронков кивнул. Он знал, что, пока не разберётся в этом деле, не сможет думать ни о чём другом.

— Планируешь её искать? — спросил Вьюгин, роясь в карманах в поисках зажигалки. — Можешь не отвечать, по твоему лицу все видно. Слушай, — он чиркнул зажигалкой

и язычок пламени отблеском отразился на его лице, — не заморачивайся. Только время зря потеряешь. Или — хуже того — наживёшь неприятности.

Воронков только горестно усмехнулся. Неприятностей у него и так было выше крыши.

Интересно, как отреагировал бы Вьюгин, узнав о том, что его другом и бывшим напарником заинтересовалось УСБ?

Он решил перевести разговор на другую тему и спросил: не возникнут ли неприятности из-за стрельбы в отеле?

— Спрашиваешь! — фыркнул Вьюгин. — Ещё как будут! Генерал поднял бучу из-за того, что я не уведомил его о готовящейся операции. Можно подумать, он бы пожелал разделить со мной ответственность! У него сейчас одна забота — чтобы его толстую задницу на пенсию не отправили! Хорошо ещё, что мы с Суковым разобрались, иначе не сносить мне головы. Теперь генерал может бушевать, сколько угодно — результат есть результат. Больше всего вопросов по поводу стрельбы в отеле. Мол, хозяева «Резиденции» требуют компенсации за то, что мы нарушили спокойствие постояльцев. А сами не одну неделю закрывали глаза на то, что в одном из номеров жили преступники. Конечно, какими бы отъявленными мерзавцами они не были, но любой, кто готов выкладывать две тысячи баксов в день за номер, будет дорогим гостем!

Высказавшись, Вьюгин бросил окурок и яростно раздавил его носком.

— Черт бы побрал всех бюрократов! — прошипел он.

Воронков кивнул, но думал о другом. О пустых глазах Федотова. О том, что для того человека он уже убийца. И о том, что, может быть, убийца — но только тех, кто заслужил.

— Да, — сказал он наконец. — Чёрт бы побрал всех бюрократов.

Глава 3. Под грифом «секретно»

Воронков твёрдо решил разыскать Машу – в какое бы разочарование это не вылилось. Он должен был знать правду. Если она ушла от него потому, что он ей надоел – это одно дело. Если его подозрения верны, и она – шпионка УСБ – совсем другое.

Тщательно всё обдумав, Воронков решил, что есть всего одна ниточка, за которую он мог потянуть – та самая квартира, в которой её держал парень-абыюзер.

Он отправился на разведку, прихватив с собой кастет на случай, если снова придётся иметь дело с бугаем на «Гелендвагене». Но на его звонок дверь открыла стройная девушка с орущим младенцем на руках. Баюкая малыша, она поспешно объяснила, что эту квартиру они с мужем арендовали недавно в агентстве недвижимости, а о предыдущих жильцах ничего не знают.

Воронков отправился в риэлтерское агентство, где ему пришлось иметь дело с чрезвычайно упертой молодой особой, с ходу заявившей, что не станет разглашать информацию о клиентах. Воронкову пришлось воспользоваться полицейским удостоверением, которое было просрочено уже семь лет, но по-прежнему развязывало языки свидетелям.

Девушка не стала исключением.

— Ладно, диктуйте адрес.

Вбив информацию в базе данных, она нашла нужный документ и вывела его на принтер.

— Вот договор за интересующий вас период.

Воронков пробежал глазами бумагу.

— Всего сутки? — поразился он. — Вас не удивило, что клиент арендовал квартиру на столь короткий срок?

Девица пожала плечами.

— У нас есть объекты и с почасовой оплатой.

Воронков заглянул в договор. В качестве квартиросъемщика значился некий Станислав Громов.

— Вы не могли бы описать арендатора? — спросил он.

Девица рассмеялась.

— Шутите? Я каждый день встречаюсь с десятком людей. Для меня они все — на одно лицо.

— Ну, этого бы вы наверняка запомнили, — настаивал Воронков. — Высокий крепкий парень на «Гелендвагене».

— Точно! Был такой! — обрадовалась девица. — Лица его я не запомнила, а вот «Гелендваген» — помню прекрасно.

Воронков понял, что напал на след. Поблагодарив девушку, он вышел из агентства, позвонил Выюгину и попросил проверить по базе Станислава Громова.

— Что он натворил? — спроси Выюгин.

— Машину мою поцарапал своим «Гелендвагеном».

Выюгин присвистнул и обещал помочь. Не прошло двадцати минут, как он перезвонил.

— В наших базах человек с такой фамилией не числится. Давай попробуем пробить по номеру «Гелендвагена».

— Не помню я номера, — вздохнул Воронков. — Ладно, и на том спасибо.

Итак, эта ниточка оборвалась. Пришло время подключить тяжелую артиллерию.

За двадцать лет работы в полиции, Воронков помог многим людям, в том числе, высокопоставленным. Особое место среди должников занимал полковник спецслужбы, имеющей доступ к засекреченным базам данных. Когда-то Воронков помог ему избавиться от шантажиста. С тех пор тот готов был ради него на всё.

— О, какие люди! — обрадовался полковник, узнав, кто звонит. — Я кое-что о тебе слышал. Говорят, ты поучаствовал в задержании того чокнутого, который устроил пальбу в «Резиденции»?

Воронков сказал, что участвовал. Полковник пришел в восторг.

— Я так и знал, что однажды ты вернешься в строй! Зря тебя списали. Когда на службу?

— Боюсь, никогда.

— Ну, — рассмеялся полковник, — никогда не говори никогда. Ты по делу звонишь или как?

— По делу. Но это не телефонный разговор.

— Понимаю. Давай тогда в семь в ресторане «Матрешка»

на Кутузовском проспекте. Там и обсудим.

Воронков согласился и положил трубку. Он не сомневался, что при помощи полковника ему удастся разыскать Машу. Главное, чтобы полковник согласился помочь.

«Матрешка» принадлежала к тем ресторанам, которые гордятся своей аутентичностью. Здесь подавали традиционные блюда русской кухни, заказы разносили официанты в кокошниках, а музыканты развлекали гостей игрой на гусях.

В семь Воронков сидел за столом и нетерпеливо поглядывал на часы. А девушка-хостес также нетерпеливо поглядывала на него. Воронков ничего не заказывал, но занимал столик, за который она могла посадить более важных и, главное, платежеспособных гостей.

Полковник явился в четверть восьмого. Стоило ему появиться в дверях, как девушка-хостес бросилась навстречу. Они обменялись парой фраз. Полковник что-то сказала, а она – угодливо рассмеялась и повела его к столику. Теперь и Воронков удостоился её улыбки.

— Официант сейчас подойдёт. Приятного отдыха.

Когда она ушла, полковник сгрёб своей огромной волосатой ручищей ладонь Воронкова и крепко пожал. Он был большой и сильный, как медведь – да ещё и явился в парадном мундире. Иностранцы, составлявшие костяк посетителей, разглядывали его с большим интересом.

— Ну, здорова! Давненько мы не виделись. Как сам? —

И, не дав Воронкову ответить, он принялся рассказывать о том, что недавно получил повышение по службе. — Теперь я — глава особого отдела, — сказал он с таким видом, словно его, по меньшей мере, выбрали в президенты. — Ты не представляешь, как долго я к этому шёл.

Воронков от всей души поздравил его с успехом. Тут поспеел официант. Полковник заказал водки и закуски. Вскоре на столе появился запотевший графин с ледяной водкой, блюдо с блинами, икра и тарелки с закусками.

— Ну, за нас! — выпалил полковник и ловким движением опрокинул в рот стопку.

Воронков лишь пригубил водку. Ему хотелось сохранить трезвую голову.

— Ну, какая у тебя беда? — спросил полковник, накладывая на блин икру ложкой.

Воронков молча выложил на стол заранее распечатанный фоторобот. Полковник с большим интересом взглянул на него и понимающе кивнул.

— Красивая девчонка. Твоя?

— Она ушла от меня. Хочу вернуть.

Полковник сгрёб фоторобот и, небрежно свернув, сунул во внутренний карман мундира.

— А как же жена?

— Мы уже год в разводе.

— Вот как? — Полковник от удивления даже жевать перестал. — И что же, твоя бывшая жена-красавица кукует одна.

Воронков привык, что все мужчины реагируют на новость о их с Мариной разводе одинаково – начинают пускать слюни. Марина была женщиной потрясающе красивой и с годами ничуть не утратила очарования. Одна половина его друзей открыто ей симпатизировала, а вторая – была влюблена без памяти.

— Она нашла себе нового парня, — сообщил Воронков.

Уголки широкого полковничьего рта, успевшие взлететь вверх, опустились.

— Жалко. Снова я опоздал.

Затолкав в себя очередной блин, он запил его доброй порцией водки.

— А что же твои бывшие коллеги не помогли по старой дружбе?

— Её досье засекречено.

От удивления полковник даже жевать перестал.

— Она – сотрудница спецслужб?

— Именно это я и хочу выяснить, — сказал Воронков.

Полковник оторвал кусок блина, аккуратно собрал остатки икры и отправил в рот. С трудом сглотив, он удовлетворенно хмыкнул и утёр жирные губы салфеткой.

— Будут новости – позвоню, — сказал он и ушёл раньше, чем Воронков успел опомниться.

Ему оставалось лишь проводить полковника взглядом. В голове засела непрошенная мысль: когда полковник установит личность девушки, не побоится ли он ему о ней расска-

зять?

Но делать было нечего. Оставалось ждать.

Он поднялся из-за стола, собираясь последовать к выходу, но перед ним, словно чёртик из табакерки, вырос официант.

— Вы забыли оплатить счёт! — сухо сообщил он.

— Я?! — поразился Воронков. — Я думал, мой приятель всё оплатил...

Официант энергично потряс головой.

— Он никогда за себя не платит. Счёт всегда закрывает гость.

Воронков взглянул на сумму и ему поплохело.

— Боюсь, у меня нет с собой таких денег.

— В таком случае, я зову администратора, — сказал официант достаточно громко, чтобы смысл его слов дошёл до сидевших за соседним столиком иностранцев.

Те тут же устали на Воронкова.

Чувствуя себя крайне неловко, Воронков проверил свой банковский счёт и убедился, что, если к этой сумме добавить всю имевшуюся при нём наличность, то этой суммы хватит, чтобы закрыть счёт.

«Чёрт бы побрал этого полковника, — думал Воронков, выходят из ресторана с пустым карманом, — с его тягой к красивой жизни, за которую он не готов платить».

Полковник позвонил спустя три дня. Едва услышав из трубки его напряженный голос, Воронков понял, что ново-

сти его не порадуют.

— У меня кое-что есть для тебя, — сказал полковник. — Нужно встретиться.

— Давайте встретимся, — обреченно сказал Воронков, прекрасно понимая, что ещё один поход в ресторан ему не осилить.

Но полковник сжалился над ним.

— Меня вызывают наверх, поэтому через час я буду проезжать по Тверской. Стой напротив здания правительства. Успеешь?

— Постараюсь, — ответил Воронков. — Это в моих интересах.

Пятьдесят пять минут спустя Воронков стоял в условленном месте. Спустя ещё пять минут (в отличие от своего босса водитель был точен) рядом затормозил чёрный «Мерседес» с тонированными стёклами. Задняя дверца приглашающе распахнулась. Едва Воронков скользнул в пахнувший дорогими духами и кожей салон, как автомобиль сорвался с места и помчался прочь.

Полковник сидел очень прямо. В лице его не было ни кровинки. Он молча протянул Воронкову конверт с досье. А затем, когда тот его распаковывал, не выдержал:

— Во что ты «вляпался»?

— Сейчас узнаю, — пробормотал Воронков, вытряхивая из конверта бумаги.

Его опасения подтвердились. Маша действительно работала в УСБ. С маленькой фотографии, приклеенной в правом верхнем углу, на него смотрела Маша. Опустив глаза, он погрузился в чтение.

Полковник внимательно следил за ним. От его глаз не укрылось, что Воронков страшно побледнел, а над верхней губой у него выступил пот.

— Что с тобой? — воскликнул он.

— Н-ничего, — после легкой запинки произнёс Воронков.

Несмотря на то, что именно это он и подозревал, открытие стало для него неприятной неожиданностью. Одно дело — подозрения, другое — факт.

— Тут её имя почему-то замазано, — сказал он, проведя по верхней строчке в резюме.

— Таковы правила, — ответил полковник. — Когда сотрудник работает под прикрытием, его данные в базах данных блюрят. Чтобы точно никто не смог его отыскать.

— И что, нет никакого способа разблюрить изображение?

— Сожалею, нет.

Полковник положил руку ему на плечо.

— Ты ведь знаешь, что можешь довериться мне?

— Вы о чём? — удивился Воронков.

— Да вот об этом. — Он подбородком указал на досье. — Если тебе вдруг потребуется помощь, ты только скажи. Я ведь не забыл, из какого дерьма ты меня вытащил.

У Воронкова вдруг возникло желание всё ему рассказать. Вдруг полковник и впрямь сможет избавить его от Федотова и его самоуверенного помощника. Однако он так ничего и не сказал и, при зрелом размышлении, понял, что поступил правильно. Обвинения в убийстве десяти человек — это не шутка. Если Федотову удастся найти доказательства, то ему уже никто не поможет.

Впрочем, Воронков сразу отогнал от себя эту мысль. Не найдёт Федотов никаких доказательств просто потому, что их не существует. Про себя он и мысли не допускал, что повинен в преступлении, в котором его обвиняют. Кем бы ни был мститель, он не имеет к нему ни малейшего отношения.

Одним словом, он промолчал.

Чиновник сделал знак водителю, и автомобиль прижался к обочине. Воронков уже собирался выйти из машины, но полковник его придержал.

— Будь осторожен, — сказал он. — Если эти ребята возьмут тебя в оборот, то даже мне тебя не вытащить.

Глава 4. Издержки профессии

От мысли, что Маша шпионила за ним, Воронкову делалось дурно. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, он взялся за очередное дело: ревнивая жена просила проверить мужа. Через неделю он уже знал, что тот действительно ей изменяет с секретаршей. Выследив «сладкую парочку», Воронков накрыл их в гостинице. Жена получила компрометирующие фото, а Воронков – гонорар.

Эти деньги пришлись весьма кстати. Он обновил мебель в гостиной и купил кухонный гарнитур. Если бы все дела, которые ему поручали, были такими, то он бы горя не знал.

В начале октября его дочь Настя отпраздновала двенадцатый день рождения. Воронков купил ей в подарок пластинку «Wish You Were Here»³, которую очень любил и мечтал дать дочери послушать. Подарок пришёлся весьма кстати. У Насти как раз появился крутой проигрыватель.

— Это Technics SL-1300G, — с гордостью объявила дочь.

Она демонстрировала ему проигрыватель виниловых пластинок. Судя по внешнему виду – очень дорогой. Чёрное матовое основание покоилось на трёх регулируемых ножках.

³ Альбом группы «Pink Floyd»

Тяжёлый серебристый тонарм с выведенными противовесами был отведён в сторону. Вместо массивного диска здесь использовался платтер из лексана — толстый, прозрачный, как кусок фальшивого льда. Под ним угадывалось Y-образное шасси из алюминия и три мотора. Вся конструкция казалась инородной в этой обстановке: слишком хрупкой, слишком бесполезно дорогой, собранной с инженерной одержимостью, которая не имела ничего общего со скромной девичьей спальнею.

— Это мне дядя Дима подарил, — похвасталась Настя.

— Дядя Дима — это мой будущий муж, — вставила Марина, вынырнув из гостиной. — Узнав о том, что Настенька увлекается музыкой, он заказал для неё проигрыватель — самый дорогой.

— Готов поспорить, что не самый, — проворчал Воронков.

Марина фыркнула и ушла встречать гостей. А Настя поставила пластинку в проигрыватель.

Первые аккорды «Wish You Were Here»⁴ поплыли по комнате, наполняя её тоскливым, но светлым ожиданием. Услышав знакомое гитарное вступление, Воронков замер. Ему вдруг вспомнился тусклый больничный коридор, насмешливо-презрительный взгляд убийцы, черный «Мерседес», выезжающий со двора. Настя, сидящая рядом, обхватила колени руками. Она не плакала. Она просто слушала. Когда за-

⁴ Альбом группы «Pink Floyd»

звучало: «Как много мы, две потерянные души...», она тихо сказала: «Я уж думала, ты никогда не придёшь, пап». Воронков молча обнял её, чувствуя, как что-то внутри, сжатое в тугой узел с того самого дня, наконец начинает отпускать.

— Ну, что ты, родная? — ответил Воронков. — Я бы приходил каждый день, но...

Он чуть было не сказал: «... но твоя мать меня не пускала!» — однако вовремя прикусил язык. Если сказать дочери правду, то это никак не поспособствует более частым встречам, зато окончательно разрушит отношения с Мариной.

— Я был слишком занят, — нехотя закончил он.

— Зачем ты врешь? — грустно спросила Настя. — Думаешь, я слепая? Тебя мама не пускала.

— Не стоит её за это винить. Она думала, что так будет лучше. Тебе будет проще забыть...

— Забыть? Разве я могу это забыть?! Ты бы смог?

Воронков опустил глаза.

— Я – другое дело. Но ты должна. То, что произошло – ужасно, но я не хочу, чтобы ты заикливалась на этом, понимаешь? Мама говорит, что тебя мучают кошмары?

— Бывает, — кивнула Настя.

— Вот об этом я и говорю...

— Однажды мне приснилось, — заговорила Настя, словно не слыша его, — как этот человек приходит ко мне. Я лежу в своей комнате, а он тихонько заходит, садится на кровать, а в руке у него тот самый нож. И он проводит лезвием по

моей щеке. Я закричала и в тот же миг проснулась. Пап, что с тобой?

— Ничего. Все в порядке, — ответил Воронков, пытаясь взять себя в руки.

Он не мог признаться дочери, какое впечатление на него произвел её рассказ. Все, от чего он долгие годы пытался её оградить, вдруг ворвалось в её жизнь, вытеснив нормальность. И еще не раз будет прорываться жутким эхом, не давая забыть о себе. Суков не просто похитил ее. Он заложил мину замедленного действия, которая может взорваться в любой момент, разрушив весь тот хрупкий мир, то ощущение безопасности, что им с Настей предстоит вернуть после пережитого ею кошмара. Напрасно Марина думала, что она сможет справиться со всем этим одна. Это не под силу юной девушке.

— Я понимаю, как это страшно, — сказал он. — Мне тоже иногда снятся кошмары. Да, в общем-то, они мне снились всегда. Но я научился справляться с ними. Знаешь, как? Я просто смирился. Я ждал, когда очередной маньяк явится ко мне во сне, чтобы снова его победить.

— Ты хотел, чтобы он приснился тебе? — прошептала Настя.

— Да. Перед сном я говорил себе: пусть мне снова приснится то-то и то-то. И, чаще всего, этого не происходило.

— Ты думаешь, это сработает? — недоверчиво спросила дочь.

— А ты попробуй. Сон – это всего лишь проекция твоего мозга, реакция на страх. Как только ты убедишь себя, что не боишься, кошмары перестанут тебе сниться.

— А мама сказала, что нужно просто проветривать комнату перед сном, потому что кошмары мучают нас тогда, когда нам душно.

— Может и так, — согласился Воронков. — Есть много способов избавиться от кошмаров, нужно пробовать их все и смотреть, что сработает. В последнее время тебе они все еще снятся?

— Гораздо реже, — призналась Настя. — Я просто стараюсь не думать о том, что произошло.

— Это правильно, — одобрил Воронков. — Главное, что ты должна понимать: это просто эпизод твоей жизни. Он больше не повторится. Я позабочусь об этом.

— Как ты можешь обещать, — вновь перешла дочь в атаку, — когда тебя никогда нет рядом? Ты мог бы и почаще меня навещать, не смотря на ее запреты.

— Я тоже думал, что чем реже мы с тобой будем видеться, тем меньше ты будешь вспоминать о случившемся, — выдавил из себя Воронков, старательно покрывая Марину.

— А ты не думал, что я боюсь не того, что случилось?! — воскликнула Настя. — Я боюсь, что это повторится, когда тебя нет рядом, и некому будет меня защитить!

У Воронкова защемило сердце. Именно эту мысль он пытался донести до Марины, но она не хотела слушать. Для нее

именно он был источником угрозы для дочери. Она считала, что, ограничив их общение, она сможет обезопасить её от всех бед. Он пытался убедить ее в том, что она не права, но Марина и слушать не хотела. В её глазах, именно Воронков был корнем всех бед.

— Я всегда рядом! — сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал твердо. — Даже если не могу быть с тобой в данную минуту, случись что, я примчусь мгновенно. Можешь мне поверить.

Дверь без стука распахнулась и в комнату ворвалась Марина.

— Вы чего тут сидите? Гости уже собрались.

— Пошли, — сказал Воронков и подал дочери руку.

Она вцепилась в неё и засемила следом за ним в гостиную.

Весь вечер Настя ни на шаг не отходила от Воронкова. Она буквально превратилась в его тень – стоило ему выйти из-за стола, как она тут же вскакивала. Гости смотрели на это с умилением, а Марина – раздражалась. Это было видно по её лицу. Она вечно ревновала дочь к Воронкову, мечтала о её безраздельной любви и признательности. Но в последнее время она чувствовала, что симпатии дочери окончательно сместились в сторону бывшего мужа. А эта жуткая история, в результате которой они оба лишь чудом остались жива, ещё сильнее сплотила их. Марина надеялась, что сво-

ими ограничениями она сможет ослабить соединявшие их узы, однако добилась ровно противоположного. Давно она не видела дочь такой счастливой, как рядом с отцом. Наблюдая за ними весь вечер, она с грустью отмечала, что в затеянном ею самой сражении за любовь дочери, ей, по-видимому, не победить. Причина, безусловно, в том, что, после увольнения со службы, Воронков смог всё время посвящать дочери, тогда как она сама была вынуждена трудиться, не покладая рук, чтобы обеспечить семью. Все эти семь лет их связь крепла, а она оставалась в стороне: слишком строгая, чтобы вызывать горячую любовь, и слишком неуловимая – чтобы нуждаться в ней.

«И Воронков этим воспользовался сполна!» — мрачно думала Марина, краем глаза наблюдая за тем, как они о чём-то переговариваются, склонив головы друг к другу.

Все же она не собиралась сдаваться. У неё ещё полно времени. Скоро они, вероятно, уедут из промозглой Москвы в солнечную Испанию, и там она сможет посвятить всю себя дочери. Настя должна будет смириться с тем, что отец далеко, и не прибежит по первому зову. Тогда она сможет занять его место. Уж она постарается, чтобы дочь выбросила из головы своего нерадивого папашу! Она поймёт, кто из родителей ей нужен по-настоящему.

Время от времени она ловила на себе взгляды Воронкова. Он явно что-то заподозрил и смотрел на неё с подозрением. Она вызывающе подмигнула ему.

Он ещё не знает о её планах. Какой будет сюрприз! Главное, убедить его не ставить препон перед их вылетом за границу. А когда он поймёт, что она не собирается возвращаться, будет поздно. Её будущий муж о них позаботится.

Да, главное, как можно скорее улететь в Испанию. Там её ждёт новая жизнь: без ежедневных подъемов в шесть утра, надоедливых клиентов, скучных «летучек» и ежедневных намёков на то, что она – никудышная мать.

Нет, скоро всё это останется в прошлом.

Когда пришло время уходить, Воронков обнял Настю и крепко прижал к себе.

— Помни, что я тебе сказал, — шепнул он ей на ухо. — Мы не должны бояться своих снов. Пусть они нас боятся.

— Спасибо, пап. Когда ты снова придёшь?

— Скоро, — покривил душой Воронков и чмокнул дочь в макушку.

— Ну, хватит уже, — промолвила Марина, которая наблюдала за этой сценой, скрестив руки на груди. — Развели тут «телячьи нежности». Раз собрался – уходи.

Воронков кивнул и, улыбнувшись дочери на прощанье, вышел за дверь. На душе у него было тоскливо. Ему хотелось остаться с Настей и помочь ей справиться с кошмарами. Это был его отцовский долг. Но над ним всегда Немезидой стояла Марина. Воронков знал, что она ужасно ревнует. У бывшей жены был не простой характер – все, кого она люби-

ла, должны были отвечать ей двойной любовью. В её мире не существовало половины. Только целиком и без остатка. А Настя тянулась к нему, и её это злило. Даже сегодня он читал это на её лице. Оставалось надеяться, что она будет держать себя в руках и не начнёт срывать злость на дочери.

Воронков вышел из подъезда на пронизывающий ветер, поднял воротник куртки и направился к припаркованной иномарке. Ему было больно за дочь, но что он мог сделать? Она уже почти взрослая. И должна научиться сама справляться со своими страхами.

Поднимаясь по лестнице в квартиру, Воронков всё ещё прокручивал в голове разговор с Настей. Её слова – «Я боюсь, что это повторится, когда тебя нет рядом, и некому будет меня защитить» – засели у него в голове. Машинально разыскивая ключи в карманах куртки, он думал о том, как вернуть дочери чувство безопасности, столь необходимое каждому подростку.

Ключ легко провернулся в замке, но Воронков был так погружён в свои мысли, что не обратил на это внимания. Толкнув дверь, он вошёл в тёмную прихожую. Сквозь распахнутую дверь в гостиную были видны контуры мебели. Он сбросил ботинки и щелкнул выключателем. Комнату залил жёлтый свет люстры.

— Привет, детектив.

Воронков замер. В кресле напротив сидел высокий свет-

ловолосый мужчина в костюме в черно-белую клетку. Он моментально его узнал. Это был тот самый муж-изменщик — любитель секретарш. Когда Воронков следил за ним, он производил комичное впечатление. Однако теперь он выглядел угрожающе. Костюм и перекошенное ненавистью красивое лицо придавали ему сходство со злобным Арлекином. В правой руке он держал пистолет, нацеленный в грудь Воронкову.

Целую минуту они таращились друг на друга. Воронков отметил странный блеск в глазах блондина и догадался, что он по маковку напичкан стимуляторами.

— Как ты попал сюда? — спросил Воронков.

— Просто вошёл, — ответил блондин. — Тебя не учили запирать дверь?

Воронков вспомнил, как легко ключ провернулся в замке. Неужели он и впрямь так спешил, что оставил квартиру открытой? Раньше с ним такого не случалось.

— И зачем ты здесь?

— Да вот, пришёл взглянуть на того, кто сломал мне жизнь.

— Не преувеличивай. В постель к твоей секретарше я тебя не тащил. Ты сам во всём виноват. Я просто сделал свою работу.

— Скотская у тебя работа.

— Может, и скотская, но мне она нравится. А теперь уходи, пока я не вызвал полицию.

— Кто тебе это позволит? — насмешливо спросил блон-

дин, с трудом фокусируя взгляд.

Воронкову сделалось страшно. Ему не раз приходилось иметь дело с наркоманами, и он знал, что ничего хорошего от них ждать не приходится.

— Что тебе нужно? — спросил он, стараясь побороть дрожь в голосе.

— Убить тебя, — просто ответил блондин.

Воронков почувствовал, как на лбу выступил холодный пот. Оглядевшись в поисках оружия, он понял, что придётся защищаться голыми руками.

— Ты ничего этим не добьешься! Твоя жена не вернётся к тебе.

Блондин вдруг, запрокинув голову, расхохотался.

— Не вернется! Это точно!

— Что тебя так рассмешило? — подозрительно спросил Воронков.

Блондин взглянул на часы.

— Ты не против, если я включу телевизор? Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Не дожидаясь ответа, он щелкнул пультом, который лежал на подлокотнике.

Большой экран ожил. Воронков услышал бесстрастный телеведущей, которая рассказывала о стрельбе в ресторане «Золотой дракон».

— ...трагедия произошла сегодня около семи вечера. По имеющимся данным, человек, чья личность пока не установ-

лена, вошёл в ресторан, достал пистолет и принялся стрелять.

Воронков посмотрел на экран и увидел жуткие кадры: перевернутые столики, лужи чего-то красного на полу – то ли вина, то ли крови, – разбитую посуду. Санитаров, выносивших носилки с черными мешками. И полицейского, что-то строчившего в блокноте.

— По имеющимся данным, — продолжала телеведущая, — погибли двое: владелец ресторана семидесятилетний Олег Соболев и его дочь – тридцатидевятилетняя Светлана Соболева. Ещё двое человек доставлены в больницу.

Воронков перевёл взгляд на блондина. Тот сидел неподвижно, и лишь уголки его рта подрагивали в безумной улыбке.

— Это ты сделал?

— Я? Нет, детектив, это сделал ты. Если бы ты не сунул нос не в своё дело, Светка не подала бы на развод, а её папаша – не ободрал бы меня как липку. Ты, наверное, не в курсе, но этот сукин сын был совладельцем моей фирмы. И когда его драгоценная дочурка пожаловалась ему, он вывел свой капитал, обескровив компанию. Ну, ничего. Они за всё заплатили сполна. Теперь – твоя очередь. Это будет справедливо. Вы отняли у меня самое ценное, а я – отнимаю у вас.

Он перехватил пистолет поудобнее. Дело смотрело Воронкову точно между глаз.

— Прощай, детектив.

— Погоди. — Воронков инстинктивно вытянул руки. — Насколько я понимаю, ты ищешь справедливости? Но разве справедливо убить человека только за то, что он сделал свою работу? Ты сам подумай... — Он сделал маленький шагок, — разве справедливо, что мне придётся заплатить за собственный профессионализм? — Ещё шагок. — Или ты думаешь, что в этой истории ты один — без греха?

— Что ты имеешь в виду? — спросил блондин, не сводя с него глаз.

— Да то и имею, что изменял жене ты, разорил тебя — её отец, а расплачиваться почему-то мне. Это несправедливо.

Блондин смотрел на него, хмурия брови. Судя по всему, он никак не мог сосредоточиться. Слишком большая доза препаратов затуманила мозг.

— Что ты предлагаешь? — спросил он. — Отпустить тебя?

— Было бы неплохо, — ответил Воронков.

Рядом с ним стояла деревянная табуретка. Воронков осторожно подцепил ногой её ножку и приготовился. Это был его шанс.

— Пошёл к чёрту, — отчетливо произнёс блондин и поднял пистолет, готовясь выстрелить.

В ту же секунду Воронков сделал резкое и быстрое движение ногой. Табуретка взлетела в воздух, а Воронков — плашмя рухнул на пол.

Грянул выстрел. Пуля вонзилась в стену. А табуретка при-

летела точно в цель. Александр ахнул, когда острый край деревянного сиденья оцарапал ему висок.

Воронков перекатился и спрятался за спинку дивана.

«Что делать?» — стучало в его голове.

Блондин выстрелил ещё раз. Пуля пробила диван насквозь, взрыхлив облачко поролона, и прошла в сантиметре от Воронкова.

— Выходи, детектив! — закричал блондин.

Его тень качнулась и начала приближаться. Воронков напрягся. Всё его тело превратилось в пружину. И как только рука, сжимавшая пистолет, показалась из-за дивана, как он рванул вперёд. Левой рукой он перехватил запястье блондина, а правой — рубанул по тыльной стороне кисти. Пальцы разжались, пистолет упал на пол. Воронков ногой откинул его под кресло.

— Ах ты сволочь! — прошипел блондин.

Его глаза с неестественно широкими зрачками превратились в два черных зеркала, в которых Воронков видел собственное отражение. Он замахнулся, чтобы нанести решающий удар, но пропустил короткий тычок. В следующий миг он, задохнувшись от боли, сложился пополам. Удар пришёлся между ног.

Пока он, матерясь сквозь зубы, пытался справиться с болью, блондин выскочил в прихожую, а оттуда — в подъезд. Воронков, всё ещё скрюченный, бросился в погоню, однако сразу понял, что это бессмысленно. Блондин оказался прыт-

ким. Перепрыгивая через две ступени, он скатился вниз и выскочил из подъезда раньше, чем Воронков добрался до лестницы. Взревел автомобильный мотор, а следом — всё стихло.

— Твою ж мать, — простонал Воронков.

Он стоял, согнувшись, пока боль не отступила. А затем вернулся домой и позвонил Вьюгину.

— Еду, — сказал тот, когда Воронков объяснил, что случилось.

Воронков с трудом добрался до кресла и осторожно присел на краешек. Давно он не испытывал такой жуткой боли. Этот мерзавец бил, как конь копытом.

Озираясь в поисках улики, он заметил на полу белый платок с сиреневой окантовкой. Наклонился и поднял. Вещица показалась ему знакомой, только он не смог вспомнить, где её видел. Наверняка, приметил, пока следил за блондином. Вероятно, это был подарок жены или любовницы-секретарши.

Платок он положил в карман и забыл о нём. До определённого момента.

Глава 5. Орёл или решка

— Говоришь, тебя навестил тот самый псих, который устроил пальбу в «Золотом драконе»? — Выюгин взглянул на Воронкова поверх блокнота. — И весь твой ущерб – пара дырок в стене и испорченный диван? Дружище, да ты в рубашке родился!

— А то я не знаю, — проворчал Воронков.

По опыту он знал, что, когда накачанный стимуляторами псих приходит к тебе в гости, твои шансы не уехать в черном мешке ничтожны. Однако ему повезло. В который раз.

— Что этому мерзавцу понадобилось? — спросил Выюгин. — Он ведь не случайно забрёл в твою квартиру.

— Не случайно, — подтвердил Воронков и нехотя рассказал о том, какую роль принял во всём этом деле.

Он уже предвидел, что газетчики растреплют на всю Москву о том, как знаменитый сыщик Воронков вновь вляпался в историю. Такая шумиха оказывала положительный эффект на бизнес, но ему претило, когда незнакомые люди на улице тыкали в него пальцем.

— Знаешь, — сказал Выюгин, — я с каждым днём всё сильнее убеждаюсь: не миновать тебе славы современного Шерлока Холмса. Одно дело скандальнее другого.

— И не говори, — вздохнул Воронков.

— Если, конечно, жив останешься, — добавил Вьюгин со своим фирменным оптимизмом.

Они понаблюдали за работой экспертов, которые осторожно извлекали пулю из стены, а затем вышли в прихожую.

Входная дверь была распахнута настежь. Рядом с ней колдовал ещё один старый знакомый Воронкова – знаменитый эксперт-криминалист майор Хрумов.

— Какие люди! Я думал, ты из своей лаборатории носа не кажешь, а ты, оказывается, в поле ездешь.

Хрумов исподлобья взглянул на него и вновь сосредоточился на дверном замке. За него ответил Вьюгин.

— Вообще-то он теперь и впрямь лабораторная крыса. Но как услышал, что в твоей квартире стрельба, сам вызвался поехать.

— Вы оба такие острословы – как бы мне не пораниться, — проворчал Хрумов. — Вытяни руки, Семен.

— Зачем?

— Не задавай вопросы.

Воронков послушно вытянул руки. Хрумов бросил на них критический взгляд.

— Не дрожат. Странно.

Воронков спросил: «Что в этом странного?» — и Хрумов пустился в объяснения.

— Понимаешь, изнутри замок как будто целый, но я нашел несколько царапин. Ты мог оставить их своим ключом, но тогда у тебя должны были трястись руки.

— То есть, ты подозреваешь, что замок вскрыли отмычкой? — спросил Воронков.

— Думаю, да.

— А твой гость, вроде бы, сказал, что дверь была открыта? — напомнил Вьюгин.

— Да, я подумал, что спешил и забыл запереть. Но если на замке есть следы отмычки, значит, кто-то ещё побывал здесь.

— Может, это твой гость вскрыл замок? — предположил Хрумов.

— Он бы не смог. У меня замок хитрый, его не каждый взломщик раскусит, не говоря уже про этого идиота. Нет, кто-то определенно побывал здесь раньше.

Вьюгин поднял блокнот.

— Есть мысли, кто это мог быть?

Воронков медленно покачал головой. Мысль была, но он не собирался ею делиться. Однако теперь он знал, кому принадлежит белый платок с сиреневой окантовкой.

На следующее утро Воронков отправился в УБС и заявил на проходной, чтобы его пропустили к майору Федотову. Дежурный был удивлён его настойчивостью, однако послушно снял трубку и доложил кому следует. Не прошло трех минут, как в вестибюль вышел Федотов в компании с неразлучным капитаном Ромовым. При виде Воронкова на лице капитана появилось кислое выражение.

— Вы и в туалет ходите парой? — не удержался Воронков. Федотов смерил его мрачным взглядом.

— Ха-ха! Что вам нужно, Воронков? Заговорила совесть и решили сделать признание?

— Нет. Я пришёл воззвать к вашей совести.

— К моей совести? — Федотов едва не уронил челюсть, но быстро опомнился и усмехнулся. — Что ж, зывайте. Интересно послушать.

Так, ясно, подумал Воронков, этот не при чём. А вот его напарник — другое дело.

— Вы нашли, что искали? — спросил он, впившись взглядом в Ромова.

Капитан опустил глаза — всего на мгновение, но Воронков всё равно заметил.

«Попался», — подумал он.

— О чём это он? — спросил Федотов, взглянув на напарника.

— Он знает, — сказал Воронков, не сводя глаз с Ромова. — Посмотрите, как потеет. Сразу видно, совесть не чиста.

Ромов машинально полез за платком, но в кармане было пусто. На лице его отразилось смятение. А когда Воронков жестом фокусника достал платок из воздуха и сунул ему под нос, он побелел от злости.

— Откуда?..

Он попытался вырвать платок, однако Воронков оказался проворнее.

— Ты оставил его в моей квартире.

Федотов обернулся к напарнику.

— Это правда?

— Конечно, нет, — ответил тот, хотя выражение лица его говорило об обратном. — Что я забыл в его квартире?

— Вот я и хотел спросить, — сказал Воронков. — С виду у меня ничего не пропало, хотя я бы не удивился...

Ромов готов был броситься на него, однако Федотов взглядом усмирил его прыть.

— У тебя есть конкретные доказательства или только этот платок?

— Вы думаете, этого мало? На нём наверняка осталось ДНК вашего напарника. Стоит мне отнести его в лабораторию...

— Дай сюда! — рявкнул Ромов и, сделав точное движение, вырвал у Воронкова злосчастный платок.

Воронков расхохотался.

— А ты прыткий товарищ! Впредь не теряй. И дверь за собой запирай, а то вчера, после твоего визита, ко мне в гости пробрался тот самый псих, что устроил стрельбу в ресторане «Золотой дракон». Он чудом не отправил меня на тот свет.

— Я тут не при чём, — быстро сказал Ромов.

— Ещё как при чём. Он бы не вошел, если бы ты не вскрыл замок. Так что если бы он оказался более метким стрелком, то моя смерть осталась бы на твоей совести.

Ромов не нашёл, что ответить. Зато Федотов перешёл в

наступление.

— Да, я кое-что об этом слышал. Почему убийца пришёл именно к тебе? Не иначе твой старый знакомый?

— Не такой уж и старый, — ответил Воронков и в двух словах рассказал о том, как, на свою голову, помог женщине избавиться от мужа-изменника.

— Веселая у тебя работа, — прокомментировал Федотов. — Что же это получается: ты подтолкнул убийцу к действиям?

— Что?! — возмутился Воронков.

— Что слышал! — рявкнул Федотов. — Из-за твоих действий этот псих уколошил двоих человек. Закон № 2487-1. Можешь попрощаться с лицензией.

— С чем тебя и поздравляю, — вставил Ромов.

Воронков стоял, как громом поражённый. Он был убеждён, что заслуживает, по крайней мере, извинений. Но, вместо этого, получил крупные неприятности. Проблемы нарастали, как снежный ком.

— Вам это даром не пройдёт, — сказал он. — Сперва вы подкладываете под меня своих сотрудниц, затем – забираетесь в мою квартиру, а теперь – хотите лишить заработка? Не выйдет!

— Может, поспорим? — усмехнулся Федотов и, развернувшись, направился к двери, из которой вышел.

Ромов, как ни странно, остался.

— Эй, Воронков, — спросил он, когда его напарник

скрылся из виду, — правда, что ты тащишься по Декстеру?
— Сто лет его не смотрел. А что?
— Да нет, ничего, — осклабился Ромов. — Жди повестки.
— Да пошёл ты! — вспыхнул Воронков и, стремительно повернувшись, вышел из здания.

Федотов не бросал слова на ветер. Неделью спустя Воронков получил по почте плотный конверт с гербом. Внутри обнаружилось предписание. Воронков пробежал глазами текст. Закон № 2487-1, статья 11.5, пункт о грубом нарушении лицензионных требований. В бумаге говорилось, что его деятельность привела к трагическим последствиям – гибели двух человек. На этом основании действие лицензии приостанавливалось до решения суда.

Воронков дважды перечитал предписание. Он чувствовал, как злость растёт у него в груди, требуя выхода. Разорвать письмо. Плюнуть на запрет. Начистить рожу Федотову.

Однако он сумел взять себя в руки. Федотов наверняка рассчитывает, что он сорвётся и наделает глупостей. Ничего у него не выйдет. Он будет действовать хладнокровно. Первым делом нужно посоветоваться с опытным юристом.

Воронков положил письмо на стол рядом с чашкой остывшего кофе и позвонил бывшей жене.

— Слушаю, — раздался из трубки её голос – холодный, как лёд.

— Мне нужна юридическая консультация.

— Ты серьёзно? — Она издала короткий смешок. Поняв, что он не шутит, Марина посерьезнела. — Давай, говори, что стряслось?

Воронков кратко обрисовал ситуацию. Слежка за мужем-изменником по заказу ревнивой жены, развод, стрельба в ресторане, судебное предписание.

Когда он закончил, в трубке повисло тягостное молчание.

— Пожалуйста, скажи, что это незаконно, и я могу подтёреться этой бумажкой, — взмолился Воронков.

— Можешь, только вряд ли тебе сделается легче. С формальной точки зрения, у них есть основания. Статья 11.5 Закона № 2487-1 допускает приостановление лицензии, если твоя деятельность повлекла нарушение прав граждан. Оспорить можно, но нужна железная аргументация.

— Я ничего не делал. Просто выполнял свою работу.

— Вот так на суде и заявишь. Только запомни этот жалостный тон.

— Шансы есть?

— Пятьдесят на пятьдесят. В зависимости от того, кто будет отстаивать твои интересы.

Воронков набрал в грудь воздуха.

— Я хотел тебя попросить...

— Что?!

— Ну, если ты не слишком загружена. Понимаешь, адвокат мне сейчас не по карману.

— А я, по-твоему, кто — девочка на побегушках? — за-

кричала Марина. — Если хочешь знать, час моего времени стоит, как день твоей работы.

— Я знаю. Прости, я неудачно выразился. Ты — лучшая. Поэтому и прошу тебя помочь.

Повисла пауза. Воронков ждал. Он знал, что Марину нельзя торопить с решением. Она могла вспылить и бросить трубку.

— Ты думаешь, я только и жду, чтобы заняться твоими проблемами? — спросила она наконец.

— Ну, пожалуйста. Мне больше не к кому обратиться.

— Ладно, — неожиданно согласилась Марина. — Но у меня будет одно условие.

— Какое?

— Мы с Настей в следующем месяце летим на Майорку.

— Так.

— Нужно твоё согласие.

— Моё согласие? — опешил Воронков.

— Да, — нетерпеливо ответила Марина. — Ты — отец, а, чтобы выехать с ребёнком за границу, нужно согласие обоих родителей.

— Ладно, — сказал Воронков, удивляясь, что так легко отделался. — Будет тебе согласие.

— Чудно. — В голосе бывшей жены послышалось оживление. — Перешли мне предписание.

— Хорошо. Что ещё?

— Займись поисками работы.

— Это ещё зачем?

— За тем, что оспорить предписание – дело не быстрое. Могут пройти месяцы, прежде чем мы добьемся аннуляции. Я надеюсь, ты не собираешься всё это время сидеть без дела.

— Нет, — вздохнул Воронков. — Я подыщу что-нибудь. Но ты всё же не затягивай.

— Постараюсь, — ответила Марина и бросила трубку.

Воронков отпил остывший кофе. Пропасть, в которую он угодил, все расширялась. Теперь, вдобавок ко всем прочим неприятностям, ему придется защищать себя в суде, следуя советам бывшей жены, которая его ненавидела.

Было от чего опустить руки. Но именно этого он не мог себе позволить. Нужно было срочно искать работу.

После недолгих поисков Воронков нашел себе работу в такси. Оказалось, достаточно заполнить заявку, отправить на проверку документы и скачать приложение, чтобы переместиться из категории тех, кто ездит, в ту, кто возит. Даже клетчатую кепочку не пришлось покупать.

Поначалу Воронкову было непривычно ездить по маршруту, диктуемому навигатором, считать километры и не срываться на пассажиров, которые усаживались на заднее сиденье с открытыми стаканчиками кофе в руках, однако он быстро освоился и научился получать удовольствие.

Оказалось, развозить пассажиров куда приятнее, чем общаться с бомжами, рыться в помойках в поисках улик и ло-

вить отребье, вроде Сукова. Пассажиры, какими бы мерзкими они ни были, все же не пытались всадить тебе нож в спину. Труднее всего было привыкнуть к тому, что каждое твое слово, жест или взгляд оцениваются пассажирами и отражаются на его рейтинге. На прежних работах он не привык сдерживаться и, если кто-то бесил его, он не стеснялся об этом сказать - причем не стесняясь в выражениях. На новой работе он такого позволить себе не мог. Приходилось себя контролировать. Оказалось, что и это приходит с опытом. На второй неделе работы Воронков уже не обращал внимание на пассажиров, которые пытались его спровоцировать. Некоторым все же удавалось довести его до ручки, однако Воронков ухитрялся не давать себе спуска до тех пор, пока не высаживал клиента из машины. После этого он давал волю эмоциям, но на его рейтинге это не отражалось.

Впрочем, такие пассажиры скорее были исключением из правил. Куда чаще попадались самые обычные люди, не обращавшие на него никакого внимания. Они таращились в смартфоны, болтали по телефону, слушали музыку или сидели с отрешенным видом. Кое-кто подозрительно таращился на него, морща лоб - видимо, гадая, почему им так знакомо его лицо. Самые смелые даже спрашивали. Но Воронков лишь пожимал плечами. Он бы ни за что не признался, что они помнят его по участию в ток-шоу "Прайм-тайм". Воронкова тошнило, когда он вспоминал тот вечер.

Он быстро понял, что для водителя такси главное – оцен-

ка в агрегаторе. От того, сколько звезд поставит тебе клиент, зависело то, какие заказы ты будешь получать. Пока его репутация равнялась нулю, Воронкову приходилось мотаться по всему городу, дабы хоть что-нибудь заработать. Но чем выше ползла шкала оценок, тем чаще он получал короткие, но чрезвычайно выгодные поездки. Когда его рейтинг поднялся до 4,98 из 5, он начал получать лучшие заказы. Теперь он на чаевых зарабатывал почти столько же, сколько на поездках. Но главное достоинство его новой работы заключалось в том, что он мог чуть ли не ежедневно видеться с дочерью.

Марина настояла на том, чтобы Настя ездила в школу на такси. Девочка охотно согласилась. По утрам Воронков подъезжал к ее дому и ждал, когда появится заказ. Оставалось только опередить других водителей. Два раза случилась накладка, но, в основном, именно он возил дочь в школу.

Теперь, когда отец часто оказывался рядом, Насте было проще побороть свои страхи.

— Тебе все еще снятся кошмары? — спросил он в первый же день.

— Да.

— Ты делаешь, как я сказал?

— Каждый день перед сном.

— Но эти сны никуда не ушли?

— Я же не сказала, что они снятся мне каждую ночь. И мне уже не так страшно.

— Ты не должна бояться. Все, что случилось - в прошлом. Больше тебя никто не обидит.

— Я знаю, папа.

В голосе дочери звучала обреченность. Воронков удивленно посмотрел на нее.

— Тебя это как будто не радует.

— Нет, радует, конечно. Я бы не смогла спать спокойно, зная, что это может повториться.

Воронков почувствовал, как внутри свернулся тугой узел. Вина за то, что творилось с дочерью, лежала на нем.

— Этот человек – не Фредди Крюгер и не Джек Потрошитель. Он не восстанет из мертвых и не придет за тобой.

— Я знаю, папа.

— Тогда в чем дело?

— Мне все равно страшно. Как ты не понимаешь?

Воронков вновь испытал чувство вины.

— Это пройдет, — сказал он дрогнувшим голосом. — Всегда все проходит.

— Да, наверное, — ответила Настя, однако в голосе ее не было особой уверенности.

Когда он остановился у школы, Настя, вместо того, чтобы выскочить из машины, порывисто обняла его за шею.

— Я люблю тебя, папочка!

— И я тебя, дорогая. Будь умничкой в школе.

— Постараюсь. Ты заедешь за мной после уроков?

— Конечно, солнышко, — ответил Воронков.

Он не подозревал, что его ждёт впереди.

Время подходило к концу смены, когда на заднее сиденье плюхнулся мужчина в надвинутой на глаза бейсболке.

— Будь другом, подкинь до вокзала, — попросил он и, пресекая споры, добавил: — Я заплачу наличными.

Воронков кивнул, отключил навигатор и завёл двигатель. Совесть его не мучила. Свою смену он отъездил, так почему бы не подзаработать, раз уж выпала такая возможность.

Краем глаза, он наблюдал за пассажиром. Развалившись на заднем сиденье, он свесил голову так, что козырёк закрывал лицо. Воронкову показалось, что он спит, однако парень вдруг вскинул голову и перехватил его взгляд.

Воронков обмер. Из-под глубоко надвинутой на лоб кепки на него смотрели знакомые глаза.

Это был блондин-убийца.

— Не дергайся, — сказал он и выхватил из-за пазухи пистолет.

Воронков едва не выехал на встречную полосу, но быстро взял себя в руки. Не так давно он оказывался в подобной ситуации и сумел спастись.

— Что тебе от меня нужно? — произнес он ровным голосом.

Блондин сорвал кепку и бросил на пол. В его лихорадочно поблескивающих глазах с неестественно расширенными зрачками сверкали искорки безумия.

— Хочу, чтобы ты заплатил за то, что сделал. Ты отнял у меня самое дорогое. А я – отниму у тебя.

Воронков переключил передачу.

— Тебе самому жить не надоело? Я это к тому, что если ты выстрелишь, то тоже погибнешь в аварии.

Блондин пожал плечами.

— Думаешь, меня это волнует? Я всё равно не жилец. Ты ведь бывший полицейский? Что мне будет за тройное убийство? Пожизненное? Нет, я не хочу гнить в тюрьме. Лучше закончить всё прямо сейчас.

С этими словами, он запустил руку в карман и извлёк... монетку.

— Я знаю, что ты не виноват, — сказал он, — но если бы не ты, то ничего этого бы не произошло. Я должен тебя убить, но мне этого совсем не хочется, понимаешь?

— Может, разойдёмся миром? — предложил Воронков.

— Нет. Один из нас должен умереть. Так пусть судьба нас рассудит.

И он поднял монетку повыше.

— Вот она – судьба, — произнёс он с придыханием.

Воронков понял, что парень спятил. То ли от горя, то ли от препаратов – но он окончательно рехнулся.

— Орёл или решка? — спросил блондин.

— Что?

— Ты не понял? Кто победит – тот останется жив. Выбери: орёл или решка?

— Я не собираюсь играть в твою дурацкую игру! — сказал Воронков, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Ладно, тогда выберу я. Орёл. Ты – решка.

— Погоди...

Но блондин уже подбросил монетку. Сверкнув в воздухе, она приземлилась в ладонь Александра. Он перевернул её и положил на тыльную сторону ладони.

В тот же миг перед ними выскочил грузовик. Воронков нажал на тормоз и крутанул руль. Его занесло. Он плавно сбросил газ и выкрутил руль в сторону заноса. Машина остановилась у края кювета.

Он выдохнул и оглянулся. Блондин шарил под сиденьем. Воронков хотел оглушить его ударом по затылку, но блондин выпрямился. В ладони он держал монетку.

— Орёл, — ликующе произнёс он. — Удача выбрала меня. — И поднял пистолет.

— Нет, погоди! — закричал Воронков. — Ты перевернул монету. В первый раз была решка.

Он понятия не имел, какой стороной выпала монета, но умирать не хотелось. С трудом, ему удалось убедить блондина бросить монету ещё раз.

Крутясь, она поднялась в воздух, приземлилась и исчезла в ладони блондина. Забыв обо всём, Воронков уставился на сжатые в кулак пальцы, под которыми пряталась монета.

— Не тяни! — взмолился он.

Блондин медленно разжал кулак, и они оба жадно устави-

лись на монету.

— Решка! — воскликнул Воронков, вне себя от радости.
— Моя взяла.

— Ну, нет, — покачал головой блондин. — В первый раз выпал орёл. Теперь – решка. Счёт: один один. Нужен третий, решающий бросок.

— Какого чёрта! — воскликнул Воронков. — Ты не говорил, что будешь перебрасывать монету.

— Я могу застрелить тебя без всякой монеты, — сказал блондин.

— Ладно, — сдался Воронков, — бросай.

В третий раз монета подлетела в воздух. Блондин поймал её и положил на тыльную сторону ладони.

— Орёл! — объявил он прежде, чем Воронков успел опомниться. — Тебе повезло. А вот мне не очень.

— Теперь ты отпустишь меня? — с надеждой спросил Воронков.

— Раз судьбе так угодно... — пробормотал блондин, разглядывая монету.

Воронков распахнул дверцу, чтобы выскочить из машины, но тут блондин сунул дуло пистолета себе в рот.

— Эй, эй, что ты делаешь?! — закричал Воронков.

— Судбэ так уходно, — неразборчиво произнёс блондин и нажал на курок.

Грянул выстрел. Его голова взорвалась, словно спелый арбуз. Кровь брызнула во все стороны. Он сполз по сиденью.

Вместо лица у него была огромная дыра, сквозь которую можно было разглядеть то, что осталось от его мозгов. Все остальное – размазалось по салону.

Дрожа от потрясения, Воронков открыл дверцу, и его вырвало на асфальт.

Этот сукин сын загубил не только свою жизнь, но и его бизнес. Отойдя на несколько шагов, Воронков вызвал полицию. Затем он посмотрел на машину и покачал головой. С такси он закончил. Никто и никогда не захочет сесть в заляпанный кровью и мозгами салон.

Глава 6. Позитив и негатив

— Слушай, может, тебе вообще из дома не выходить? — спросил Вьюгин, заглянув в салон иномарки. — Куда бы ты ни пошёл, за тобой всюду тянется кровавый след.

— Смешно, — мрачно сказал Воронков. — Обхохочешься.

Но Вьюгин не унимался.

— Ты в этой истории кто — Джулс Уиннфилд или Винсент Вега⁵?

— Лучше заткнись, — сердито сказал Воронков.

Ему было не до смеха. Салон выглядел так, будто взорвался баллон с краской: кровь, мозги, обивка в пятнах. И труп на заднем сиденье.

К ним подкатил микроавтобус, из которого выскочил Хрумов.

— Так-так, — произнёс он, цокая языком. — Знакомые все лица.

Он обошёл вокруг иномарки и сочувственно покачал головой.

— Похоже, кое-кому придется пересесть на общественный транспорт, — сказал он.

⁵ персонажи культового фильма Квентина Тарантино «Криминальное чтиво».

Воронков горько усмехнулся и запахнул куртку, пряча пятна крови на рубашке.

Вьюгин положил руку ему на плечо.

— Здесь нам больше делать нечего. Поехали в управление, снимем с тебя показания.

— А что будет с моей машиной?

— Теперь это не твоя машина, а вещдок. Мы позаботимся о ней, не беспокойся.

Они уже садились в служебную «Волгу», когда подъехал эвакуатор.

По дороге на Петровку Воронков рассказал всё заново. Вьюгин слушал, делал пометки, а потом спрятал блокнот

— Парень явно псих. — Любая экспертиза признала бы его невменяемым и отправила бы лечить голову.

Воронков вспомнил ошметки мозгов, и его замутило.

— Тебе повезло, — подытожил Вьюгин.

Воронков не мог не согласиться: сделай монетка лишний оборот — и его мозги размазало бы по обивке. Повезло. Но счастливчиком он себя не чувствовал.

В огромном здании Главного управления МВД по Москве Вьюгин занимал один из угловых кабинетов. Бежевые стены, потёртая добротная мебель, карта Москвы — на одной стене, благодарности начальства — на другой. В такой обстановке Вьюгин чувствовал себя, как рыба в воде. Он не любил ненужные украшения.

— Кофе будешь?

От кофе Воронков никогда не отказывался. Но не успел вскипеть чайник, как раздался телефонный звонок.

— Генерал, — пробормотал Вьюгин и схватил трубку. — Слушаю, товарищ генерал. Да... да, на месте, — «А где я могу быть, если ты мне в кабинет звонишь?» — Так точно, товарищ генерал. Выезжаю немедленно.

Он бросил трубку и рукавом вытер лоб.

— Срочный вызов? — спросил Воронков.

— Срочнее некуда. Из Южного округа звонили. Говорят, задержали Акулу.

— Да ну? — Воронков подскочил. — Того самого Акулу? Криминального авторитета?

— Судя по всему, да. Нужно срочно ехать.

— Можно мне с тобой?

Вьюгин скептически посмотрел на него, но махнул рукой.

— Ладно, поехали.

Виктор Вакуленко по кличке Акула прославился в девяностые, пройдя путь от рядового члена преступной группировки до одного из самых влиятельных мафиози столицы. Тридцать лет назад он бегал по улице с автоматом, а теперь — считался уважаемым бизнесменом — владельцем сети баров и ресторанов. Однако все помнили, с чего он начинал. В том числе, полицейские, которые мечтали упрятать его за решётку.

В УВД Южного округа их встретил майор Русанов — невысокий плотный мужчина с бледным лицом и колючими глазами. Он был польщён визитом полковника из Главка, но старался не подавать виду.

— Рад, что вы кого-то прислали. А то мы, простые смертные, ни за что не разобрались бы с Акулой, — не скрывая иронии, произнёс он.

— Я здесь не при чём, — сказал Вьюгин. — Все претензии к генералу.

— Ладно, гляньте на него, раз приехали.

— Сперва расскажите, как задержали.

— Не поверите! Он начистил рожу бармену. То ли ему коктейль не понравился, то ещё что — в общем, он ему врезал. Но был так пьян, что не удержал равновесия и расквасил нос о барную стойку.

— Вы уверены, что это Акула?

— А кто же ещё? При нём были документы.

Воронков и Вьюгин переглянулись. Драка в баре никак не соотносилась с образом всесильного главаря мафии. Если бы ему не понравился бармен, то он не стал бы заниматься рукоприкладством сам, а поручил это дело одному из своих мордоворотов.

Русанов провёл их в изолятор. За решёткой на койке храпел толстяк. Невысокого роста, плотный, с редкими тёмными волосами, мужчина лежал на боку, поджав ноги в туфлях из крокодиловой кожи. От него за три метра разило вис-

ки.

— Можно взглянуть на него поближе? — спросил Вьюгин.

Русанов сделал знак конвоиру. Тот отпер камеру. Вьюгин наклонился над толстяком, развернул его лицом к свету и усмехнулся:

— По-вашему, это Акула?

Воронков тоже вошёл в камеру и присмотрелся. У пьянчуги было широкое скуластое лицо, крупный нос, но всё какое-то смазанное и оплывшее. Второй подбородок перетекал в вялую шею, покатые плечи и впалую грудь. Воронков вспомнил портрет настоящего «Акулы»: такое же широко-скулое лицо, но тёмное и жёсткое; бульдожья челюсть, складки от носа к подбородку, хищный взгляд. У этих двоих не было ничего общего, кроме фамилии.

— Ты сказал, что при нём были документы? — Вьюгин повернулся к Русанову.

— Да. Вот, пожалуйста.

Получив из его рук паспорт, Вьюгин открыл и прочитал:

— Виталий Вакуленко, тысяча девятьсот шестьдесят третьего. А Акулу зовут Виктор, и родился он в шестьдесят первом.

Русанов побледнел.

— Вы уверены?

— На все сто. Этот человек — однофамилец. Или вообще...

Он не договорил. К ним уверенной походкой приближался немолодой лысый мужчина с большим крючковатым носом, в клетчатом плаще и с галстуком, небрежно завязанным виндзорским узлом.

— Полковник, какими судьбами? — новоприбывший изобразил улыбку.

— Передали, что твоего шефа взяли. Приехал взглянуть.
— Вьюгин кивнул на храпящего толстяка.

— И как, похож?

— Насколько я помню, у Акулы был младший брат. Это он?

— Он. — Адвокат повернулся к Русанову: — А вы, насколько понимаю, майор Русанов? Андрей Котов, адвокат. Моего клиента задержали за пьяный дебош?

— Как видите, — ответил Русанов.

Пока он пересказывал подвиги толстяка, Вьюгин отвёл Воронкова в сторону.

— Знаешь этого сукиного сына? Это адвокат «Акулы» и его правая рука. Мнит себя консильери.

— А консильери приехал вызволять из обезьянника брата?

— Бьюсь об заклад, он младший. Болван, размазня и задира. Любит покутить. И похож на Акулу как негатив на позитив.

Котов попытался забрать клиента, но толстяк даже встать не мог. Адвокат пыхтел, тряс его за плечо, потом вызвал

двух крепких парней. Те кое-как подхватили размякшую тушу и поволокли к выходу. Котов замыкал процессию, шипя на прощание:

— Вы ответите за произвол!

Все трое промолчали. Когда дверь закрылась, Вьюгин хлопнул Русанова по плечу:

— Ну и развлечение ты нам устроил. Не зря съездили.

— Я и подумать не мог, что у Акулы есть брат, — растерянно пробормотал майор.

— Зато теперь знаешь.

— Думаю, ты не первый их спутал, — подбодрил Русанова Воронков.

Глава 7. На дне

Машину не имеющей доказательной ценности и вернули. Ценой недюжинных усилий, Воронкову удалось очистить салон от запекшейся крови и мозгов, но в машине появился осязаемый дух смерти. Воронков перепробовал несколько освежителей воздуха, но ничем не смог заглушить приторную сладковатую вонь.

Дальше – больше. На обивке салона, потолке, чехлах для сидений начали проступать кровавые пятна. Воронков теперь возил с собой щетку и пятновыводитель. Заметив пятно, он тер его до умопомрачения. Однако всё было тщетно. Едва исчезнув, пятна появлялись опять. Конечно, Воронков понимал, что причина – в химической реакции очистителей, но какая-то часть его души нашептывала голосом блондина:

«Ты уничтожил меня, а я – уничтожу тебя! Больше ты на этой машине ни копейки не заработаешь!»

Самое печальное, что это было правдой. После случившегося Воронкова какое-то время осаждали журналисты, однако быстро потеряли к нему интерес. Он попытался вновь устроиться в такси, но получил отказ. Пришлось ему убраться с запруженных улиц Москвы и найти другое «хлебное» место.

Проще всего было заработать в аэропорту. Поначалу все

шло замечательно. Он ловил иностранцев у стойки выдачи багажа и предлагал подвезти до Москвы. В день ему удавалось заработать почти столько же, сколько за неделю в такси.

Местные водители начали косо на него поглядывать. Он отбивал их клиентов. Вскоре самый смелый из них – молодой армянин – подошёл к Воронкову и пригрозил последствиями. Воронков, недолго думая, послал его куда подальше. На следующий день кто-то порезал ему все четыре колеса. Воронков сделал вид, что ничего не произошло. Однако, когда ему вновь прокололи покрышки, он не стерпел – подошёл к армянину и предупредил его о последствиях. Но тот в ответ лишь ухмыльнулся.

— Это ещё цветочки.

Своё слово армянин сдержал и послал к Воронкову мордоворотов. Он как раз сопровождал к машине пожилую немецкую пару, когда они выросли у него на пути. Двое дюжих парней с пудовыми кулаками.

— Что надо, уважаемые? — спросил Воронков.

— Прокатишься с нами, — сказал один из них. Это был не вопрос, а утверждение.

— Я бы с радостью, — ответил Воронков, внутренне сжимаясь, как пружина, — но меня работа ждёт.

— Подождёт! — рявкнул второй громила и схватил его за предплечье.

Воронков поставил чемодан на асфальт, рванул захваченную руку на себя, одновременно рубанул ребром ладони по

громиле локтю. Хватка ослабла — он выдернул руку и тут же врезал коленом в пах. Противник охнул и осел на асфальт.

Его напарник — огромный бугай с бычьей шеей — открыв рот, смотрел на Воронкова.

— Может, уймёшься? — предложил тот. — Меня клиенты ждут.

Но бугай не внял совету. Растопылив руки, он попёр на Воронкова. Тот не стал ждать. Шагнув внутрь захвата, он ухватил нападавшего за пояс куртки и рванул на себя. В тот же момент он выполнил подсечку левой ногой. Бугай рухнул навзничь, а Воронков, не отпуская захвата, обрушился на него, припечатав лопатками к асфальту.

— Лежи, а не то кадык вырву, — прошипел он, надавив локтем на горло.

Бугай с ужасом уставился на него. Второй здоровяк всё ещё глотал ртом воздух. Убедившись, что опасности они не представляют, Воронков встал, отряхнулся и взял чемодан.

— Вот и все, — сказал он супружеской чете, которая, разинув рот, наблюдала за дракой. — Можно ехать.

— Надо звать полиция, — сказала женщина с сильным акцентом.

— Не надо, — успокоил её Воронков. — Я и без них справился.

Он ожидал, что теперь конкуренты уgomонятся, однако не тут-то было. На следующий день после того, как он разде-

лался с громилами, к нему в такси подсел невысокий толстяк в темно-сером костюме и больших роговых очках, криво сидящих на носу.

— До города не подбросите?

— Подброшу, а иначе зачем я здесь? — отозвался Воронков и завел двигатель.

— Вы – новенький? — спросил толстяк, когда они выехали с территории аэропорта. — Я вас раньше не видел.

— А вы всех таксистов знаете?

— В Шереметьево – да, всех, — ответил толстяк.

В его правой руке откуда ни возьмись появился пистолет. Маленький и изящный, типа "Беретта".

— Я вас не знаю, — сказал он, — никогда не видел и не слышал. Но вы посмели явиться на мою территорию, отбираете хлеб у моих людей, а двоих из них - отправляете в больницу. Знаете, как я поступаю с такими людьми, как вы?

— Стреляете? — предположил Воронков.

— Верно, — подтвердил толстяк. — Приятно иметь дело с сообразительным человеком.

— Но не на скорости девяносто километров в час, — невозмутимо заявил Воронков. — Так ведь и разбиться недолго.

Повисла пауза. Толстяк не убрал пистолет и взгляд его не потеплел. Но решимости в нем поубавилось.

— Мне не впервой попадать в такие ситуации, — сказал Воронков. — И я знаю, что нужно делать. Главное, не оста-

навливаться.

— Рано или поздно придется. Впереди светофор.

— А чуть дальше – пост ГАИ. Если я проеду на красный, они попытаются меня остановить. А если не подчинюсь – бросятся в погоню. Тогда тебе придется делать выбор. Либо ты велишь мне притормозить, спрыгнешь в кювет и пустишься наутек, либо – отправишься в тюрьму или на кладбище. Скажу сразу: твой предшественник затеял перестрелку с полицейскими и отправился на тот свет.

Толстяк молчал. Взгляд его перебегал с затылка Воронкова на окно и обратно.

— Есть другой вариант, — продолжал Воронков. — Ты отпустишь меня, а я взамен – пообещаю не соваться в аэропорт. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы. Ну, что выбираешь?

Толстяк на минуту задумался, а затем махнул рукой.

— Ладно. Будь по-твоему.

— Убери пистолет. Сунь за пояс.

Как только толстяк выполнил его просьбу, Воронков притормозил у обочины. Затем он вышел из машины, обошел ее и распахнул заднюю дверцу.

— Выметайся.

Толстяк как-то странно на него посмотрел.

— Слушай, не тебя ли я видел по телеку пару месяцев назад?

— Не понимаю, о чем ты. Выметайся.

Но толстяк не спешил. Вместо того, чтобы выбраться из машины, он в упор уставился на Воронкова.

— Точно! Это был ты! Бывший следователь. Вот почему ты не испугался.

— Кто тебе сказал, что я не испугался? — спросил Воронков, у которого по-прежнему тряслись поджилки.

— Ты – крутой парень. Знаешь об этом?

В последний раз Воронкову говорили что-то подобное лет десять назад, когда он еще служил в полиции и действительно ощущал себя крутым.

— Почему ты работаешь таксистом? — спросил толстяк, закуривая сигарету. Воронков обратил внимание на серебряную зажигалку с гравировкой в виде акульей морды. — Если мне не изменяет память, в ток-шоу говорили, что у тебя свое детективное агентство.

— Вас это не касается, — отрезал Воронков. Он не соби-
рался отвечать на вопросы доморощенного гангстера.

— А что, если я предложу тебе работу? — спросил тол-
стяк, выбираясь из машины.

— Я скажу "нет".

— Ты ведь еще не слышал предложения.

— Оно меня не интересует.

— Ты сможешь хорошо заработать. И тебе не придется иметь дело с криминалом. Абсолютно законный способ заработка. Ну, как? Заинтересован.

— Послушайте, господин "я-не-знаю-вашего-имени". Ва-

ше предложение меня не интересует. Я привык сам зарабатывать себе на жизнь и не нуждаюсь ни в чьей помощи. Особенно...

Он чуть было не сказал: "Особенно такого, как вы", — но вовремя прикусил язык.

Толстяк в ответ лишь улыбнулся.

— Уверен, вы передумаете. Если это случится, то вот. — Он протянул визитку. — Позвоните по этому номеру и спросите Шмеля. Это я – Шмель. — Толстяк ударил себя кулаком в грудь. — Думаю, мы с вами столкнемся.

Сказав это, он повернулся и зашагал прочь. Воронков провожал его глазами до тех пор, пока он не скрылся из виду. Лишь затем он сел за руль.

Визитка осталась у него в руке. Он машинально опустил ее в карман. Разумеется, звонить он не собирался. Но кто знает, как все обернется теперь, когда он лишился последнего источника заработка.

Прошло еще три недели, прежде чем Воронков отчаялся найти работу. Какое-то время он жил на свои накопления, но затем, осознавая безвыходность ситуации, отыскал в кармане визитку толстяка и позвонил ему.

— У меня есть отличная работа, — заверил его Шмель. — Как раз для такого человека, как ты.

— Если это что-то противозаконное...

— Боже упаси! Мне бы и в голову не пришло предложить

вам что-то подобное. Вот увидите, вам понравится ваша новая работа.

Воронкову и в голову не могло прийти, что собирается предложить ему Шмель. Узнав, он наотрез отказался. Шмель не удивился - лишь сказал, что придержит это место.

Воронков выдержал еще неделю. Накопления таяли. Он перестал отвечать на звонки Марины, которая требовала алименты. И однажды утром, глядя в пустой холодильник, он достал визитку, позвонил и сказал, что согласен. Шмель очень обрадовался.

— Так и знал, что вы согласитесь. Завтра можете выходить на работу. Стрип-клуб "Адам и Ева". Запишите название?

— Я запомню, — буркнул Воронков.

Совсем недавно он и представить не мог, что однажды согласится на такое. Но на гордость хлеба не купишь, а работа на Шмеля позволяла хорошо заработать. И все же он не мог не уловить горькую иронию. Из следователя по особо важным — в вышибалы стрип-клуба. Жизнь полна сюрпризов.

Глава 8. Предложение, от которого нельзя отказаться

Что он влип, причем серьезно, Воронков понял не сразу. Первые недели в «Адаме и Еве» прошли для него неплохо.

Шмель не обманул: платил он прилично. Гораздо больше, чем в такси. Да и работа была не бей лежачего. Днём Воронков отдыхал, а ночью работал. Стриптизерши вместе с пьяными клиентами подсаживались к нему в машину, и он отвозил их, куда велели.

Со временем он подружился с некоторыми из них. Одну из них звали Ежевичка. Когда он, после смены, зашёл в бар пропустить стаканчик виски, она под села к нему.

— Привет, красавчик.

— Привет, дорогоша, — откликнулся Воронков. — Не трать зря время, на мне не заработаешь.

— Да я просто хочу поболтать. Говорят, — сказала она, заговорщицки понизив голос, — ты работал в полиции?

— Было дело.

— А почему ушёл?

— Ты с какой целью интересуешься?

Девушка бросила многозначительный взгляд сперва на него, а затем — в потолок. Воронков догадался, что прямо над

баром располагается кабинет управляющего.

— Меня уволили, — сказал он. — По ранению.

Ежевичка понимающе кивнула и заказала «Манхэттен».

— А ранили тебя куда?

Воронков показал на левый висок. Ежевичка вздернула брови и пригубила коктейль.

— Насколько я слышала, ты не растерял навыков?

Это были явно не её слова. Воронков окончательно убедился в том, что её подослал управляющий.

— Смотря о каких навыках идет речь.

Девушка ничего не ответила. Допив первый коктейль, она заказала второй. Пока бармен смешивал, она не сводила глаз с Воронкова.

— Странно, что ты тут торчишь, — вдруг сказала она — Вроде, мужик с головой.

— А тебя каким ветром сюда занесло?

— Деньги надо зарабатывать. Я на OnlyFans⁶, но там сейчас такая конкуренция, что ловить нечего. Каждая дура с сиськами мнит себя Мией Халифой⁷.

— А это кто? — спросил Воронков.

— Ты не знаешь? — Ежевичка так удивилась, словно речь шла о Мадонне. — Самая популярная модель на OnlyFans. Миллионы зарабатывает.

— Серьёзно? — Воронков отпил от бокала. — Кто ей пла-

⁶ Сервис подписки на платный контент, который выкладывается пользователем

⁷ Одна из самых знаменитых и высокооплачиваемых девушек на «OnlyFans»

тит?

Ежевичка звонко расхохоталась.

— Подписчики, дурачок. На неё подписаны почти четыреста тысяч человек и каждый платит по десять долларов в месяц. Недурно, правда?

— Совсем недурно, — согласился Воронков, мысленно умножив четыреста тысяч на десять. — Только я бы и за четыре миллиона не согласился выставить себя напоказ.

— Ну да, конечно, — фыркнула девушка. — Покажи тебе сотую долю от четырех миллионов, ты бы голым по Красной площади прошелся. Все, блин, такие правильные!

— Что же ты миллионы не заработала?

— Потому, почему и все остальные. Миа Хилифа одна, а девчонок много. Вот и приходится тут торчать и всяких потных козлов обслуживать.

— Что ж ты в институт не поступишь? Возраст еще позволяет.

Ежевичка окинула его насмешливым взглядом.

— А ты — почему нормальную работу не ищешь? Возраст позволяет.

— Почему ты решила, что я не ищу?

— Потому, что любой, кто на «легкие бабки» подсаживается, дальше не рыпается. Я на таких, как ты, насмотрелась.

— Ну, со мной все понятно, — сказал Воронков, на которого напало занудство, — а вот тебе не мешало бы подумать о будущем. Сколько ещё ты сможешь плясать? Пять?

Десять? А потом? Послушай совета – займись образованием.

Ежевичка расхохоталась, продемонстрировав ровные белые зубы.

— Какой ты смешной! Неужели ты думаешь, что дипломы в нашем мире что-то значат? К твоему сведению, у меня два высших образования. Я закончила экономический и лингвистический. Но оказалось, что плясать по клубам – выгоднее, чем протирать задом стулья в офисе. Ладно, мне работать пора. — И она, потрепав ошарашенного Воронкова по плечу, грациозно удалилась в сторону гримерки.

— Ты посмотри какая! — усмехнулся Воронков, глядя ей вслед. — А платить за тебя кто будет?

— В нашем заведении девушки за себя не платят, — пояснил бармен. — Ты уж извини, друг, но правила не я устанавливаю!

— Я, по-твоему, Рокфеллер? Запиши её коктейль на того бедолагу, которого она первым притащит к стойке.

— Ещё чего! — фыркнул бармен. — Плати давай.

— Не буду, — решительно ответил Воронков.

Он и так едва сводил концы с концами, а тут ещё за девчонку плати!

Бармен махнул кому-то рукой. За спиной Воронкова материализовались двое громил-охранников.

— В чём дело? — спросил один из них.

— Этот не хочет платить, — пожаловался бармен.

— Нарываешься? — осведомился охранник.

— Есть немного, — ответил Воронков, пряча ухмылку.
«Вот оно!» — подумал он.

Охранники схватили его под руки и выволокли из бара в темный переулок. Этого почти никто не заметил - лишь две пьяные барышни проводили их любопытными взглядами.

Один из охранников обхватил его сзади, прижав руки к бокам, а второй — занёс кулак.

Воронков резко присел и одновременно разорвал захват. Перехватив кулак второго охранника, он резко дернул его на себя. В тот же миг он ударил первого затылком в лицо. Первый охранник попятился, а второй — по инерции летел вперед. Воронков слегка придержал его руку, и охранник, перевернувшись в воздухе, упал спиной на асфальт. Тем временем, первый охранник пришёл в себя и двинулся на Воронкова.

— Беги, — посоветовал ему Воронков. — Еще не поздно.

Однако охранник решил довести дело до конца. Пропустив его пудовый кулак, Воронков шагнул вперед и врезал ему коленом под дых. Охранник сложился пополам. Воронков добил его сцепленными в замок руками и повернулся ко второму охраннику, который как раз вскочил на ноги.

— Даю последний шанс.

Но громила не внял предупреждению. Пришлось и его отправить в нокаут. Когда кулак с треском вошёл в его челюсть, боль электрическим током пронзила руку. Охранник рухнул лицом вниз и больше не шевелился.

Потирая кулаки, Воронков сел в машину. Адреналин, смешанный с алкоголем, ударил в голову. Он сделал то, что планировал. Теперь оставалось только ждать. Откинувшись на сиденье, Воронков закрыл глаза

Ему приснилось, что его вернули на службу, выдали табельное оружие, новое удостоверение и полномочия сажать в тюрьму таких гадов, как Шмель.

Стук в окно разбудил его. Он нехотя открыл глаза и обнаружил, что по-прежнему торчит у стрип-клуба.

Рядом с машиной стояла Ежевичка. На лице её играла плутовская улыбка.

— Как дела, ковбой?

— Нормально.

— Я видела, как ты отделал тех парней. Это было круто!

— Они тоже так думают?

Ежевичка наклонилась и сказала едва слышно:

— Босс хочет с тобой поговорить.

— Какой еще босс?

Ежевичка указала пальцем. Воронков повернул голову и увидел, что из большого окна на втором этаже на него смотрит Шмель.

— Думаешь, стоит пойти?

— Да, причём бегом. Босс не любит, когда его заставляют ждать.

Воронков вылез из машины и нарочито не спеша напра-

вился к клубу.

Шмель ждал его, стоя в дверях кабинета, со стаканом виски в руках. Невозможно было понять: злится он или нет.

— Выпить хочешь?

— Я выпил в баре.

— Эту бурду? — Шмель поморщился. — Я угощу тебя настоящим виски.

Он щедро плеснул в два стакана из высокой бутылки с простой белой этикеткой. Воронков пригубил.

— Отменный виски!

— Макаллан двенадцатилетней выдержки. Хранил на особый случай. Присаживайся.

Воронков сел на диван. Шмель — остался на ногах.

— Я видел, как ты отоварил моих лучших парней.

— Если они лучшие, то у вас проблемы, — ответил Воронков.

— Похоже на то. Ты когда-нибудь работал в охране?

— Нет.

— А хотел бы?

Воронков отпил из стакана.

— Меня и нынешняя работа устраивает.

Шмель подался вперед.

— Сколько я плачу тебе?

Воронков назвал цифру. Шмель поморщился.

— Я дам тебе вдвое больше, если согласишься стать на-

чальником охраны.

— С чего такая щедрость? — удивился Воронков.

— Мне нужны такие парни, как ты. — Шмель наклонился и похлопал его по плечу. — В тебе есть потенциал.

— Надеюсь, я гожусь на большее.

— Посмотрим. Так ты согласен?

Воронков покачал головой.

— Почему я?

— Я уже сказал – в тебе есть потенциал. И раньше ты служил в полиции, — нехотя добавил Шмель. — А опыт подсказывает, что лучшие сотрудники получаются как раз из отставных полицейских.

— Я могу подумать?

— До субботы. Если откажешься, то с прошлой работой можешь попрощаться.

— Вы не оставляете мне выбора.

— Ты нужен мне, — повторил Шмель.

«А ты – мне», — подумал Воронков и одним глотком допил виски.

Отъехав от клуба, он достал телефон и набрал номер.

— Он предложил мне стать начальником охраны.

— Вот и отлично. Значит, наш план удался. Ты согласился?

— Взял время подумать. Если бы я сразу принял предложение, это бы выглядело подозрительно.

— Не тяни. Информация мне нужна срочно.

— Я в курсе, — ответил Воронков и отсоединился.

«Угораздило же меня так влипнуть», — думал он, сжимая руль до боли в пальцах.

Чтобы понять суть происходящего, нужно перенестись на неделю назад – в четверг. Этот день Воронков запомнит надолго.

Он возвращался со смены, когда из переулка выскочила черная «Волга». Воронков едва успел затормозить. В ярости он выскочил из машины, норовя объяснить нерадивому «волжанину» правила дорожного движения, однако задняя дверь «Волги» распахнулась и показалась знакомая физиономия.

— Сотников? — Воронков в изумлении вытаращился на человека, с которым когда-то служил бок о бок в отделе специальных расследований. — Вот так встреча!

Они обменялись рукопожатием. Сотников пригласил его в машину. Воронков сел, и тут же двери с щелчком заблокировались.

— Что за шутки? — воскликнул Воронков.

— Шутки кончились, — донесся с водительского сиденья хриплый жуткий скрипящий голос. — Во всяком случае, для тебя, Воронков.

Так говорить мог только один человек – генерал Храпко. В молодости ему вырезали железы, и с тех пор генерал об-

завёлся голосом, который невозможно было спутать ни с каким другим. Когда он говорил, казалось, будто кто-то водит ржавым гвоздём по стеклу.

— Рот закрой, а не то челюсть вывихнешь, — усмехнулся Храпко, глядя на Воронкова в зеркало заднего вида. — Давненько мы с тобой не виделись, майор.

— Давненько, — согласился Воронков. — И теперь я — бывший майор.

— Бывших майоров не бывает. Заруби это себе на носу. Воронков молчал, так и не оправившись от удивления.

Генерал Храпко был живой легендой уголовного розыска. Начав карьеру в восьмидесятых, он быстро снискал славу жёсткого и беспринципного оперативника — в то время как его коллеги продавались бандитам, он в одиночку противостоял мафии. В девяностые посадил лидера одной из самых жестоких банд Москвы, затем — трёх воров в законе, дюжину наёмных убийц и четверых организаторов преступных группировок. А заодно — с десятков полицейских, которые им покровительствовали. Врагов у него было полно. Его не раз пытались убить, но Храпко, как кошка, прожил девять жизней.

Для Воронкова, как и для многих полицейских, пришедших на службу в девяностые, Храпко был олицетворением настоящего сыщика — неподкупного, эффективного, твердого в своих убеждениях. Воронков успел взлететь вверх по карьерной лестнице и рухнуть вниз, а Храпко — продолжал держать в страхе преступный мир. Особенно после того, как

год назад возглавил Управление по борьбе с организованной преступностью.

Храпко повернул к Воронкову своё темное, жесткое, изборожденное морщинами лицо. Маленькие черные глаза просветили его точно лазером.

— Как дела, майор?

Он достал из кармана пачку «Кэмел» и протянул Воронкову. Тот покачал головой.

— Вы наверняка все сами знаете.

Храпко сухо рассмеялся.

— А ты не меняешься. Как был дерзким, так и остался. Да, мы навели о тебе справки. — Он выпустил Воронкову в лицо струйку дыма. — И выяснили много интересного.

— Ты работаешь на Шмеля, — сказал Сотников, и в голосе его послышался намёк на презрение. — А Шмель — один из бригадиров Акулы. Значит, ты работаешь на Акулу.

Воронков вытаращился на него. Это было новостью.

— Я не знал.

— Теперь знаешь.

— Я простой водитель. Чем бы они с Акулой не занимались, я не при делах.

— Ты в этом уверен?

Вопрос был с подвохом, но Воронков ответил утвердительно. Если он мог в чём-то быть уверенным, так это в том, что с криминальным бизнесом Шмеля не связан.

Однако у Храпко была другая информация.

— Придётся тебя огорчить, — сказал он, — но ты по уши в дерьме. Шмель не просто втянул тебя в свои операции. Он превратил тебя в курьера.

— Твою машину используют для перевозки разных запрещённых веществ, — пояснил Сотников.

— Каких веществ? — Воронков не мог оправиться от изумления.

— В основном — белого цвета, расфасованного в прозрачные пакетики, — пояснил Храпко. — Девчонки прячут его между сиденьем и спинкой, а клиенты — забирают. И всё шито-крыто.

— К ним не подкопаться, — подтвердил Сотников, — чего нельзя сказать о тебе. Если бы у меня не было на тебя своих планов, ты бы уже сидел за решеткой.

— А какие у вас на меня планы? — насторожился Воронков, которого потрясла новость о том, что его использовали «втёмную», словно простачка какого.

— Мы хотим, чтобы ты втерся в доверие к Шмелю, а через него — вышел на Акулу, — пояснил Сотников.

— Шмель знает, что я — бывший полицейский. Он не доверится мне.

— Все от тебя зависит, — сказал Сотников. — Вчера мы взяли начальника охраны «Адама и Евы». Место вакантно. Твоя задача — проявить себя так, чтобы Шмель предложил тебе эту должность.

Воронков вздохнул. Он знал всё о вербовке. Мгновенно

оценив своё положение, он понял, что не имеет выбора. Если он откажется сотрудничать с Храпко, то отправится в СИЗО.

— Я попробую, — сказал он.

Храпко похлопал его по плечу.

— Я в тебя верю, — сказал он.

Воронков вышел из машины. «Волга» сдала назад и исчезла из виду, а он — поплелся к своей машине.

Целую неделю он ломал голову над тем, как произвести впечатление на Шмеля. А затем подвернулся конфликт с охранниками.

Глава 9. Ежевичка

Воронков не стал спешить. Три дня он выжидал, а на четвертый поднялся в кабинет Шмеля и сообщил, что принимает предложение.

Шмель очень обрадовался.

— Я так и знал, что ты согласишься. Даже велел пошить для тебя униформу. Пойдём покажу.

Он отвел Воронкова в помещение, где переодевалась охрана, и продемонстрировал роскошный черный костюм с безукоризненной белой сорочкой.

— Как тебе?

— Сошло бы и что-нибудь попроще. В таком наряде я буду ощущать себя Джеймсом Бондом на задании.

— Ты должен выглядеть прилично. Я не хочу, чтобы посетители, глядя на тебя, видели охранника.

— Мне придется общаться с клиентами?

— Иногда. Я не стану возражать, если ты спустишься в бар пропустить пару стаканчиков. Главное, чтобы при этом твоя голова оставалась ясной, а слух - острым.

Воронков понял намёк: от него ждали, что он будет прислушиваться к чужим разговорам.

Шмель провел ему беглую экскурсию. Стрип-бар состоял из бара, ресторана и дюжины маленьких помещений, в кото-

рых располагались гримерные, административные помещения, комнаты для приватов и VIP-ложи.

— Места у нас немного, но я организовал все так, чтобы ни одного квадратного сантиметра не пропало, — сказал Шмель. — Подумать только, раньше это был сарай. Посмотри, что я из него сделал.

Воронков оценил его профессионализм. Хватка у него была железная. Если он не лгал насчет клуба, то ему, Шмелю, стоило воздвигнуть памятник.

Они закончили обход на небольшом балкончике, нависавшем над баром. Отсюда можно было созерцать все, что происходило в клубе.

— Люблю стоять во время выступлений, — разоткровенничался Шмель. — Отсюда так хорошо все видно. Ну, как тебе мои владения?

— Впечатляет, — сказал Воронков.

Он не лгал. Всё действительно было организовано на высшем уровне. В отличие от многих других заведений подобного рода.

— Слушайте, — произнес он, заговорщицки понизив голос, — как у вас тут относятся к «продавцам удовольствий»? Ну, вы понимаете. Если какой-то парень начнет предлагать посетителям вещества, что мне с ним сделать?

— Выволочь из моего клуба и подвесить за яйца — вот что! — сухо ответил Шмель. — В моем клубе не место таким людям, ясно?

— Ясно, — кивнул Воронков.

Позиция Шмеля по части «торговли удовольствиями» ему определенно нравилась. Воронков решил, что они неплохо сработаются.

На следующий день Воронков получил тревожащую весть от Вьюгина.

— К нам приходили парни из УБС, — сообщил он по телефону. — Им зачем-то понадобились все дела, которые ты вёл в последние годы перед отставкой. Во что ты опять вляпался?

— Понятия не имею, — соврал Воронков. — Они сказали, зачем им это нужно?

— Ты их не знаешь? Они никогда ни о чем не говорят прямо. Сказали, что проводят проверку.

Воронков уткнулся лбом в холодное оконное стекло. Проклятье... Проклятье!

— Эй, чего молчишь? — спросил Вьюгин.

— Я думаю. Когда эти сукины дети явятся в следующий раз... впрочем, ладно. Я сам разберусь.

И, не дожидаясь возражений Вьюгина, он положил трубку.

Сжав пальцами виски, он принялся ходить туда-сюда по комнате. Мысли, подобно испуганным птицам, метались в его голове.

Если ничего не предпринять, то он рискует очутиться за решеткой. Этот майор Федотов от него не отстанет. А его

подчиненный, капитан Ромов, и того хуже. Если он не постеснялся влезть в его квартиру, то на что он еще способен?

Воронков чувствовал, что оказался между молотом и наковальней. С одной стороны на него давил генерал Храпко, требуя содействия в его охоте на мафию, а с другой - тенью подкрадывался УБС. Как выкрутиться из этой ситуации он не знал.

И вдруг ему пришла в голову идея. Чем черт не шутит.

Он схватил трубку и позвонил Сотникову, номер которого знал на память.

— Алло? Мне нужна помощь. Нет, ты ничем не можешь помочь. Мне нужен Храпко. Да плевать мне, что он занят. Я хочу поговорить с ним немедленно. Нет, не по телефону. Я должен встретиться с ним лично. Уж поверь, когда я говорю, что дело срочное, оно действительно срочное. Жду!

Храпко приехал к нему через час. Очевидно, операция против Акулы была в приоритете, раз он бросил все дела. Принимать такого человека в своей квартире было необычно. Генерал, хоть и не великого роста, заполнил собой всю прихожую.

— Что за срочность? — спросил он своим скрипучим голосом.

— Не хотите присесть, товарищ генерал?

— Я спешу.

— Лучше сядьте, а не то упадете, — настоял Воронков.

И, когда Храпко опустился в кресло, сказал:

— За мной охотится УБС.

Вопреки его ожиданиям, Храпко почти никак не отреагировал на эту новость. Лишь достал сигареты и закурил. Воронков постеснялся сказать, что в его квартире курят только на балконе.

— В чем там дело? — спросил он. — Что-то серьезное?

Воронков, не вдаваясь в подробности, рассказал о том, в чем его подозревают. Храпко курил, пуская дым в потолок. Когда Воронков закончил, он пальцами затушил сигарету и положил окурок на стол.

— Они подозревают тебя в убийстве десяти человек? Что за чушь? — вспыхнул он, когда Воронков кивнул. — Никогда не слышал ничего глупее. У них есть основания?

— Я вел дела всех этих мужчин.

— Это все?

— Да.

— Тогда это чушь, — отмахнулся Храпко. — Они там, в своем управлении, совсем с ума посходили. Не волнуйся, Воронков. В случае, если они станут слишком назойливыми, я найду способ отвадить их от тебя. Не беспокойся. Я хочу, чтобы ты думал только о том, как выполнить задание. Подвижки есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.